

АЛЕКСАНДРА

ДАРИНА ГРОТ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дарина Грот
Александра

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Грот Д.

Александра / Д. Грот — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Она – сумасшедшая. Психичка. Умственно отсталая. Дурочка. Убийства? Чьих это рук дело? Кто их проклял? Нет-нет-нет, не может быть! Она – чокнутая, но не убийца. Ведьма или сатана? Что живет в ней? Сколько еще жизней она заберет? Остерегайтесь ее, она убьет всех. Бегите прочь. Александра. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть I	6
1	6
2	8
3	10
4	13
5	18
6	22
7	25
8	29
9	38
10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

कर्पूरगौरम् करुणावतारम् |
संसारसारम् भुजगेन्द्रहारम् ||
सदा वसन्तम् हृदयारविन्दे |
भवम् भवानि सहितम् नमामि ||

Часть I

1

Тихо. Слышно лишь как ветер шелестит верхушками деверев, обильно обросшими листвою. Ветерок легкий, нежный, проходит между стволами, обдувая многолетнюю кору приятным теплом. Листья шелестят, шепчутся друг с другом, о чем-то рассказывают, делятся впечатлениями о своей новой жизни. До травы ласки ветра не доходят, лишая ее приятной возможности размяться, пошевелиться и пошептаться.

Солнце светит, но само скрыто за острыми верхушками елей и сосен, овальными полусферами осин и дубов. Лучи проходят между ветвями, стволами, листьями, впиваются амурными стрелами в землю, страдающую уже 3 недели без влаги. Нет ни одного промежутка, не заполненного солнечным, льющимся светом. Зеленая трава в свете светила принимает изысканный изумрудный цвет, заливаема его мягкими оттенками, сверкает теплыми тонами. Скоро начнет чернеть. Как же сильно она хочет пить! Как сильно хотят пить ее дети! Корешки и громоздкие коренья иссушают почву, бездвижно ищут воду, желая лишь одного: напоить свои густые кроны, свои тощие травинки, цветущие цветы. Но жара стоит уже 3 недели. Не смилуется беспощадное солнце, светит все ярче, само расширяется и кажется, что вот-вот охватит собой все небо и сожжет землю и ее детей дотла, не оставит от них даже черного угля.

Усталые, измученные муравьишки бегают между травинок, трудятся, облагораживают муравейник, добывают еду своей королеве, а самые стойкие солдатики все еще ищут не испарившуюся в жестоких лучах солнца капельки утренней росы. Тщетно ищут. Все стоит сухостоем. Умирает.

Пчелы, пухлые, тянущие на себе пыльцу, продолжают работать, опылять безжизненные цветы, попивая их сладкий нектар. Птицы молчат. Кто в гнездах сидит с открытым ртом; кто пытается отыскать пропитание, а кто-то и вовсе на ветках сидит, на самых высоких, весело покачиваясь в такт ветру.

Лес живет, несмотря на упавшую на него невыносимую жару. А что же еще остается делать? Жизнь не может остановиться сама по себе. Она будет циркулировать до последнего. До самого момента, пока что-то или кто-то не остановит ее. Холод ли, жара ли, надо жить дальше и инстинкты живого существа, у кого есть сердце и у кого его нет, будут жить, или уже как придется – выживать.

Босая нога бесшумно опустилась на сухой мягкий мох и замерла. Горячий воздух прошел через маленькие ноздри, оставив в носу различные запахи. Движение замерло. Ветер чуть усилился, сильнее зашевелил покладистыми макушками. Чистое, голубое небо, видневшееся сквозь пестрящую зелень, медленно и угрожающе наполнялось сначала облачками, затем пухлыми облаками серого цвета, матовыми, непрозрачными. Деревья шуршали, усиливая свой шепот, словно они уже не о любви говорили, а ругались как скверные хозяйки в коммунальной квартире. Ветки начинали хрустеть скрипучими свистами, стволы старых деревьев издавали протяжный, утробный звук, похожий на рев морского котика. Казалось, что вот-вот грохнется то или иное стонущее дерево. Ветер усиливался, нагоняя зловещую атмосферу на летний лес.

Темнело. Солнце только начало уходить из зенита, а тучам, стекающим над лесом, крадущим дневной свет, взамен оставляло лишь промозглую, страшную тьму.

Босые ноги, утопшие в иссохшем мхе, не двигались. Тонкие, как прутьики руки, казавшиеся чуть смуглыми из-за яркого солнца, держались за ствол старой ели, чьи ветви грузно висели, клонясь к низу, словно огромные медвежьи лапы. Черные глаза, устремленные в хмурое небо, сверкали как черный кварц в свете яркой луны.

Стрекот насекомых стих, затихли жужжания крыльев. Тишина-предвестница окутала собою лес.

Тонкие губы цвета розовой пудры улыбнулись, пока глаза все еще созерцали красоту грозного неба. «*Сейчас*», – подумала она, – «*сейчас вдарит!*». Сердце затрепетало в предвкушении и ожидании первого страшного удара грома.

Небо полностью почернело, замазав голубой цвет темно-синими и черными красками. Ветер неистовал, заставляя деревья кланяться ему и они, сопротивляясь, все равно склонили свои макушки, ударяясь друг о друга, теряя листья и иголки, треща ветками.

Черное, кучевое небо на секунду озарилось полоской, разрезавшей черноту напополам, словно кнутом. И сразу же мгла поглотила небо. Тут же где-то издали послышалось, словно кто-то пересыпает маленькие камушки, нарастающее грохотание, несущееся прямо на лес, набирающее силу. Как только гром в полной своей мере добрался до макушек леса, он рухнул вниз так, что земля заходила ходуном под босыми ногами.

Губы растянулись еще шире в улыбке, радостно затоптали ступни, утопая в сухом мхе. «*Сейчас*», – снова подумала она, – «*сейчас все попьют волю. Потерпите!*».

И вот первая капля, толстая, тяжелая, оторвалась от черной тучи и словно ракета воздух-земля, устремилась вниз. Закончила она свое мимолетное путешествие, разбившись в плоскую лепешку на лбу у девушки, ровно между бровей. Девчонка рассмеялась, оскалив зубы, с кривым прикусом.

– Ну давай! – закричала она, подпрыгивая на месте, хлопая в ладоши. Ее волосы, распущенные, ниже поясицы, темно-черного цвета, разлетались в разные стороны, словно желая сбежать от страшного ветра, который уже потихоньку перерос в легкий ураган. В волосах застряли листья, хвоя с елей и сосен, маленькие сучки и сухие древесные грибы, размера с булавочную головку. Ветер трепал волосы в разные стороны без жалости и сострадания. Девчонка продолжала стоять в центре бушующей непогоды и смеяться.

Вторая капля опустилась на лицо, словно затухшая искра, обжигая раскалённую кожу. За ней третья, четвертая и уже через несколько секунд обрушился яростный ливень. Сверкнула молния, раздался еще один раскат страшного грома. Казалось, что он гремит прямо над головой, что еще чуть-чуть и небо не выдержит и упадет, сломав хрупкую природу человека в труху.

Как же сильно буйствовала гроза, заливая водой лес, измученный затяжной засухой и в то же время, вырывая деревья с корнями, валя их в беспорядочном хаосе, задевая другие деревья. Как же сильно радовалась она, подставив руки небу, умываясь его слезами. Волосы быстро намокли, потяжелели, прилипли к лицу, не желая больше подчиняться императивной силе беспощадного ветра. По лицу струились ручьи дождя, мешая открыть глаза.

Тело, полностью обнаженное, казалось, промокло насквозь, залилось даже под кожу так, что она вот-вот вздуется, как старый линолеум на кухне под раковиной. Под натиском разъяренного ветра тело начало покрываться мурашками. «*Холодно?*», – встрепенулась она, пожившись, потирая плечи, смахивая капли дождя. «*Разве холодно? Так совсем не холодно! После такой жары-то! Совсем не холодно!*» – мысленно шептала она сама себе, прогоняя мурашки с тела, оппозиционирующие разуму, твердящему, что совсем не холодно.

В чем мать родила она помчалась по лесу, задорно улыбаясь, поднимая то и дело лицо к грозному небу, щуря глаза каждый раз, когда раскаты грома сотрясали небеса и землю под ногами. Куда она бежала – она не знала. Просто бежала, потому что было весело. Потому что не надо было знать, куда бежать. Потому что можно было просто нестись по лесу во время зверской грозы. Без причины. Не каждый может позволить себе делать что-либо без причины, а она могла. Она могла просто и безоглядно следовать за зовом своей души и тела. Убери социальное «ты должен то-то и то-то» и следуй за своим внутренним голосом. Ты так сильно удивишься, поняв, куда приведет тебя твое нутро, поняв, что на самом деле хочешь ты, а не твое окружение.

2

– Где твоя сестра? – взволнованная Ирина Ильинична без стука ворвалась в комнату сына. Святослав что-то писал, сидя за столом, и не сразу услышал, что в комнату кто-то вошел. – Слав! – мать окликнула его. Ручка в его руках замерла. Взор оторвался от исписанного листа. Никак не запоминался материал. И вот, в момент, когда ему показалось, что он, наконец, запомнил, отвратительную информацию, вошла мать, что-то вскрикнула, и все внезапно куда-то исчезло, словно он никогда ничего не слышал о предмете, который доучивал, будто впервые видел эти буквы, образующие странные слова.

– Откуда же я знаю, – обиженно вздохнул Слава, взглянув на мать.

– Она в могилу меня сведет! – заломив руки, отчаявшимся голосом воскликнула Ирина Ильинична.

– Жизнь все равно рано или поздно всех сведет в могилу, – загадочно произнес Святослав, впереv взгляд в исписанный лист, лежащий перед ним, вспоминая о сестре, о том, как утром, 13 июня Саша проснулась раньше всех, бесшумно пришла в комнату брата и дотронулась до него спящего ледяной рукой. Святослав практически никак не отреагировал, разве что открыл сонный глаз, чтобы увидеть сестру. Вот уже на протяжении 18-ти лет Саша каждое утро будила брата таким образом. Он уже давно привык, что холодные, словно железки на морозе, пальцы сестры вторгаются в его теплый сон, чтобы что-то спросить. Или сказать. Или просто посмотреть, как брат, жмурясь от яркого света, хлопал глазами, чтобы спросонья разглядеть сестру.

– Сегодня гроза будет, – веселым, но тихим голосом сказала она и сжала руку брата.

– Саш, – он ухмыльнулся и вновь попытался устроиться удобнее на кровати. Он давно перестал спрашивать себя и свою сестру, какое ему дело до грозы, которая будет сегодня. Будет и будет, бог с ней. Зачем же надо будить в такую рань? Только ради грозы? Святослав уже не спрашивал. Он привык. – Хорошо, – продолжил он, переворачиваясь на другой бок.

– Да ты послушай! – Саша залезла к нему под одеяло, трогая его спину холодными руками. – Будет сильная гроза! Страшная. Приведет с собой ветер.

– Не как обычно? – Слава вновь повернулся к сестре. Ее глаза... черно-золотистого цвета, настолько неестественного, что если бы Славка не знал свою сестру с рождения, то никогда бы не поверил, что такой удивительный цвет возможен от природы. Они блестели азартом, хотя ничего азартного не было в предупреждении о грозе. Они светились заревом заката, влажные, искрящиеся.

– Не-е-т, – протянула она и обняла брата, – помнишь, мама спросила, когда же будет дождь, сетуя, что все умирает от жары? Ее молитвы были услышаны. Будет гроза! Будет сильный ветер!

Слава обнял сестру. Опять она со своими пророчествами, в которые он каждый раз отказывался верить, запрещал себе делать это, но невзирая ни на что, чувствовал в себе растущую веру.

– Ух, Саша, – Слава усмехнулся, разглядывая сверкающие глаза сестры, – любишь ты преувеличивать!

– А вот и ни капельки! – обиженно воскликнула Саша, – вот увидишь!

– Хорошо, – брат снова согласился, закрывая глаза, пытаясь уснуть.

– Да погоди же ты! – Саша сжала его руку, – я пойду в лес.

– Зачем? – Слава тут же встревожился. – Зачем в лес, если будет гроза?

Саша ничего не отвечала, только опустила загадочный взгляд, словно смотрела на что-то, что никто другой кроме нее не мог видеть. Затем тут же вскинула голову и улыбнулась, так ничего и не говоря.

– Зачем в лес, Саш? – спросил Слава, не отпуская ее руку, видя, что девушка силится уйти.

– Не говори маме, ладно? – Саша снова улыбнулась, заискивающе поглядывая на брата. Его светло-голубые глаза живо изучали ее воодушевленное лицо, пытаясь понять, что задумала его сестра. Безрезультатно, как и всегда. Саша неспешно вытянула свою руку из его, продолжая гипнотизировать брата.

– Хорошо? – повторила она, стоя уже в дверях. Слава медленно кивнул, не прерывая зрительного контакта с сестрой. Она счастливая выскочила из комнаты и буквально сразу же Слава услышал, как хлопнула входная дверь. «Зачем я всегда покрываю ее выходки?», – спросил сам себя Слава, – «Мне что, больше всех надо?». Он вздохнул и встал. Спать больше не хотелось, а к защите надо было готовиться...

– Что ты такое говоришь? – спросила Ирина Ильинична, испуганно поглядывая на усиливающийся ветер за окном.

– Ничего, – быстро ответил Слава, безразлично разглядывая свою писанину.

– Так где твоя сестра? – настойчиво спросила Ирина Ильинична, – она ведь всегда говорит именно тебе, куда идет.

– Не в этот раз, мам, – Святослав вновь посмотрел на худенькую женщину в дверях своей комнаты.

– Ох, как же мне это надоело! Вернется домой, семь шкур спушу! – сурово пригрозила она, разворачиваясь и собираясь выйти из комнаты, – и с тебя тоже! – внезапно она остановилась, – если узнаю, что ты наврал мне и снова покрываешь ее! – Ирина Ильинична захлопнула дверь. В окно ударили ветви сирени, не устоявшие перед стремительно набирающим мощь ветром.

– Я сам спушу с нее семь шкур, как только она вернется, – тихо сказал он себе под нос.

3

– Зачем тебе эта психопатка? – спросил Артем. Подружки тут же засмеялись, вспоминая свою одногруппницу. Все они, включая Сашу, учились в медицинском колледже, в данный момент заканчивали первый курс. В тот выходной уже сформировавшаяся компания отправилась гулять по Московским улицам, наслаждаясь теплой погодой. Никто из них не замечал позади на горизонте чернеющую полосу, идущую прямо на Москву с Запада.

– Посмеяться! – улыбнулся Кирилл в ответ.

– А мы-то уж подумали, что ты влюбился, – сквозь глупые детские смешки, парировала Оля. Кирилл удивленно вскинул бровями и перевел на девушку пленительный взгляд.

– Ревнуешь? – спросил он и тут же подружки захихикали вновь, как курицы кудахчут в переполненном курятнике.

– Кого? – Ольга тут же покраснела и перешла в нападение, – тебя? Конечно, нет! Я просто испугалась за твое здоровье. Может, ты тоже чокнулся и влюбился в нее. Может, тебе нужна помощь друзей, будущих медиков.

Кирилл не стал дальше слушать глупости, которые говорила Ольга, испугавшись, что ее настоящую симпатию к Кириллу раскрыли, и разум тут же перестал соображать, а сама она бездумно что-то несла, лишь бы переключить внимание ребят с щекотливой темы на очередные глупости, которые молодежь так любит обмусоливать. Может, сработает? Ольга сильно надеялась на это.

Кирилл шел чуть впереди, краем уха слыша что-то безостановочно тараторящий голос Ольги, ставший тонким и неприятным. Рядом шел Артем с безразличной улыбкой на лице. Он специально спросил о Саше в присутствии всей компании, потому что Оля попросила сделать это. Потому что она хотела узнать, что на самом деле испытывает Кирилл к главной психопатке их первого курса.

– Как думаешь веселиться? – спросил Артем, пока девчонки шумно что-то обсуждали.

– Хочу, чтобы она влюбилась в меня, – Кирилл загадочно взглянул на небо, которое неожиданно для всей компании, стремительно начало темнеть. – Потом повеселюсь с ней, как положено. Потом скажу, что мы не сошлись характерами.

Артем тоже посмотрел на небо: что-то жуткое и отталкивающее было в черных сгущающихся тучах. Вдалеке вспыхнула молния, но настолько далеко, что не было видно ее распускающегося по небу корневидца. Просто белая вспышка на миллисекунду озарила небо.

– Надо бы подыскать уютное местечко, – Кристина подошла к Артему и Кириллу и тоже загадочно уставилась на небо.

– Переждать? – спросил Кирилл. Голоса замолкли и вот все пятеро устремили взволнованный взгляд на небо. Ветви деревьев, стоявших рядом стали потихоньку шуршать, откликаясь на тихий зов начинающегося ветра.

– А что ты предлагаешь? – встревожившись спросила Ольга, которая специально собрала всю компанию на прогулку, чтобы побыть с Кириллом. – Разойтись по домам? – продолжила она, испуганно разглядывая его профиль, усердно изучающий небо.

– Будет сильная гроза, – тихо сказал он, не слушая вопросы Оли, как и обычно. Он всегда воспринимал ее как скучную радиоволну, – смотрите, какие тучи!

Все ребята подняли глаза к небу, остановившись рядом. Каждый из них смотрел на свинцовое небо, набирающее мощь, и думал о своем. Артём думал, что было бы неплохо пойти по домам, подготовиться к семинару по геометрии. Мокнуть ему совсем не хотелось, как и прятаться по подъездам, что непременно закончится распитием горячительных напитков. Всегда веселый и ратующий за любое движение, в тот момент Артем почувствовал легкую хандру и

усталость. Веселой и шумной компании в тот момент ему не хотелось. Грозная погода нашептывала мысли о неестественном уединении.

Кирилл был полностью окутан чувством успокоения и принятия. Ему думалось, что происходит то, что должно происходить. Ничего страшного. Ничего необычного. Просто гроза. Сколько гроз он уже видел за свои 18 лет? Чем эта лучше или хуже? И уж точно непогода не должна испортить прогулку.

Ольга последние полгода в принципе ни о чем не могла думать, только о Кирилле. Они все пришли на 1 курс медицинского колледжа, попали в одну группу, познакомились и через некоторое время Оля вдруг поняла, что слишком часто и много думает о Кирилле, постоянно спрашивая себя: *«вот что, если вдруг...»*. Так и сейчас она смотрела, как казалось, на небо, и молилась лишь бы ребята не приняли решение в срочном порядке расходиться по домам. Если будет так, то Оля непременно наберется смелости и попросит Кирилла погулять с ней вдвоем. Она обязательно так сделает!

Кристина совсем не думала ни о чем. Она окидывала скептическим взглядом грозовые тучи, посматривала на ветви деревьев, которые начинали интенсивнее шевелиться, под усиливающимися порывами ветра. Она единственная, кого ни грамма не смутило ухудшение погоды, да и вообще в принципе любые внешние изменения казались ей безразличны.

Юлия, самая тихая и молчаливая из трех подружек, искренне наслаждалась удивительными цветами, в которые было выкрашено строгое небо. Как красиво! Как обособленно! Ее светло-серые глаза дотошно изучали каждый тон и цвет, изображённый на небе, поглощая колорит грозового перекрытия горизонта. Она была единственной, кто хотел просто остаться на месте и понаблюдать за природой, за тем, как разразится гроза, какая она будет, что принесёт с собой, как закончится. Просто остаться на месте и смотреть.

– Ты же не боишься? – Кристина взяла под руку Кирилла и ласково улыбнулась ему.

– Конечно, нет! – усмехнулся он, чуть нахмурившись, – мне все равно. Давайте останемся здесь и понаблюдаем? – Кирилл бросил в массы лёгкую провокацию.

– Я – за! – тут же поддержала его Юлия, молчавшая до этого момента.

– Я тоже, – Ольга тут же схватила Кирилла за вторую руку, давась злободневной ревностью.

– Хорош вам, ребята, – взмолился Артем, косо посматривая на небо, испугавшись, что друзья действительно останутся на улице.

– А-а-а, – протянул Кирилл, подло улыбаясь, ехидным взглядом поглядывая на Артема, – вот кто тут боится.

– Иди ты к черту! – возмутился Артем. – Я мокнуть не хочу!

Пока ребята планировали свои дальнейшие передвижения, погода вовсе расстроилась. Внезапный порыв ветра и страшный раскат грома остудил их запал. Сверкнула молния, тут же треснуло небо под громким раскатом. Молодость замолчала, испуганно озираясь по сторонам.

На улице никого не было, словно город вымер за секунду: ни людей, ни животных, ни птиц. Все смолкло, за исключением грохочущей грозы и пролетающих мимо машин. Закапало. Дождь усиливался с каждой пройденной секундой, пока не превратился в ливень, идущий стеной.

Ребята помчались в ближайший парк на Нахимовском проспекте, бессмысленно прикрывая головы руками. Не сговариваясь, они искали глазами сухие места под деревьями. Но дождь и ветер были столь сильными, что ничто не могло спастись от воды. Земля намокала, а те места, которые казалось прикрыты большими ветвями с густой листвой, неожиданно обнажались под порывами сильного ветра, и едва листья и ветви наклонялись туда, куда их клонил ветер, земля под ними, иссушенная долгой засухой, истоптанная людьми, тут же намокала.

Смелый Кирилл бежал впереди всех, хихикал не то от адреналина, не от страха, который он отказывался признавать. Ольга, длинноногая блондинка, не отставала от него, вовсе забыв о своих отстающих подружках.

Артем даже не пытался догнать друзей. Он то ли шел, то ли бежал, но нельзя было сказать, что он задыхался от быстрого бега. Ему было весело смотреть на удирающих вперед друзей, смотреть, как они спотыкаются, как их ноги скользят по намокшей грязи на протоптанных тропинках в парке, как они шлепают по появившимся в одну секунду лужам и даже не чувствуют как вместе с проливным ливнем, они еще и забрызгивают грязью ноги.

Яркая, желто-белая, с примесью мягкого фиолетового цвета вспышка озарила черное небо. И вроде бы это был свет, тот самый к которому люди привыкли, которого не боялись, а скорее наоборот, спешат включить темной ночью, чтобы убить жуткие, неясные тени, которые приобретали обыденные предметы по ночам в доме, тот самый яркий свет испугал их. Заставил сразу же все мышцы сжаться в один большой комок, парализовав все тело. И в ту самую секунду, когда тела замешкались и притормозили, испугавшись вспышки на небе, прямо перед Кириллом упало старое дерево с толстым стволом и каменной корой. Если бы не та самая секунда, заставившая их замешкаться, парня придавило бы толстым дубом, в чье основание ударила молния, озарившая черное небо.

Взвизгнув в унисон тонкими голосами, ребята остановились прямо перед упавшем деревом, в страхе, не решаясь куда-либо ступить дальше, где могло бы быть безопасно.

– Черт! – выругался Кирилл, сумасшедшим взглядом оглядывая дерево, перекрывающее дорогу.

– Это молния! – Юлия испуганно крикнула, схватив Кирилла за руку. – Молния! Она реагирует на движение! Нельзя бежать!

– Что за глупости? – Ольга сжимала руку Кирилла, совсем забывшись. Он удивленно посмотрел на девушку и сжал ее руку в ответ. Мокрая, с отпечатавшейся тушью на коже под бровями и нижних век, она смотрела на него светящимися любовью глазами. Светлые волосы прилипли плотными потемневшими сосульками к ее лицу. Вода сгладила все неровности кожи, придав свежести и без того молодому лицу. Губы потемнели, а по ним сбегали капли дождя, которые Ольга то и дело слизывала. Кирилл снова улыбнулся ей, так и не отпуская ее руку.

– Пойдемте под дерево, – твердо сказал он и решительно направился под ближайший дуб с широко раскинувшимися ветвями.

– Ты с ума сошел? – тут же вскрикнула Кристина, останавливая их. – Ты видел, что только что случилось? Хочешь, чтобы нас всех убило?

– Есть идеи лучше? – огрызнулся Кирилл.

– Там все мокрое, – как раз подоспел Артем.

– Да! – рассмеялся Кирилл, – ты-то прям весь сухой. Пошли! – скомандовал он и, не выпуская руки Ольги, направился к дереву. Девчонки вздохнули и поплелись за ним. Артем, окинув воодушевленным взглядом небо, с надеждой в глазах, что скоро все закончится, поплёлся позади. Он один не видел смысла стоять под деревом, когда все и так уже вымокли до нитки. Теперь он совсем не спешил. Незачем больше.

4

Саша лежала нагишом в холодном мокром мху. Дождь и гроза уже прошли. Сквозь оставшиеся тучи осторожно, словно чего-то опасаясь, пробирались лучи блеклого солнца, падая на ее обнаженное тело, проходя сквозь густую листву деревьев.

Девушка улыбалась. С листьев, отдыхающих после страшного ветра, дождевые капли опускались на нежную кожу, обжигая ее. Такая тишина постигла местность! Не та зловещая и жуткая, которая была перед тем, как все началось, а та, которая дает чувство завершенности. Все. Все закончилось. Теперь можно вздохнуть спокойно. Все позади.

Лес потихоньку оживал. Проснулись насекомые, встряхивая своими стеклянными крыльшками, сидя на поднимающихся к небу травинках. Птицы зашевелились, затрясли перьями, стараясь просушить их. Зачирикали, косясь зоркими глазами на встрепенувшихся насекомых, довольно постукивая клювами.

По обнаженной ноге, ощупывая и изучая территорию, поспешно прошелся большой черный муравей с коричневой спинкой. Он потер лапками гладкую кожу, попробовал куснуть жвалами и потопал дальше. Саша напрягался, борясь с чувством нарастающей щекотки по мере того, как муравей бежал вдоль щиколотки.

Сверху, в макушках толстокожих елей, вспорхнуло что-то большое. Саша услышала взмах крыльев, как воздух проходит между перьев. Еще взмах. Свист остывающего воздуха. Большая черная тень медленно кралась по ногам, поднимаясь вверх по телу. А через секунду-другую огромный черный ворон опустился на мох, рядом с лицом Саши.

Девушка покосилась на севшую рядом птицу. Длинные, внушающие ужас, когти, закручивались и ложились набок, пока птица величественно подходила ближе к девушке. В черных вороньих глазах Саша увидела, как отражаются ее глаза, такие же черные, но более живые и счастливые. Как ее губы все дальше растягиваются в улыбке, пока глаза, окутанные счастьем, рассматривают глаза птицы, затем ее мощный клюв, которым ворон с ровной периодичностью клацал, словно хотел что-то сказать.

– Я знаю, – прошептала Саша, отводя взгляд от гуляющей птицы, – я все знаю.

Птица каркнула загробным тяжелым голосом и подошла еще ближе, закрывая свои блестящие глаза белой пленкой, склонив голову набок.

– Все в порядке, я контролирую процесс. – Саша перестала улыбаться и присела, обняв колени, разглядывая свои ноги, покрытые мурашками, не понимая, что они могли бы значить. Для чего они? – Мне так хорошо. Давненько я так не расслаблялась! – Саша посмотрела на птицу, подошедшую совсем близко. Девушка почесала пальцем под клювом и погладила птицу по голове. Ворон склонил голову и мурлыкнул в ответ так, как никто даже не знал, что вороны так умеют.

– О, – Саша улыбнулась. На этот раз ее улыбка не была такой воздушной и легкой. Скорее она стала жестокой, циничной и претенциозной. Ворон довольно моргнул глазами, вновь покрыв на секунду белой пленкой черные глаза, все еще подставляя голову девушке. – И об этом я тоже знаю. Знаю все, что они замышляют. Не переживай, я не так проста, как все думают. – Саша встала с земли, взяла птицу и прижала к себе, нежно нашептывая ей что-то, направилась к тому месту, где оставила одежду перед тем, как началась гроза.

Саша, выходя из лесу, отпустила ворона, и долгое время с улыбкой, пропитанной ядом, смотрела вслед удаляющейся черной птице в лазурном небе. Саша все еще слышала, как огромные крылья гоняют воздух, слыша каждый их взмах. Вхью-вхью-вхью. Она моргала, закусив нижнюю губу, не пряча улыбки, неотрывно смотрела на черную точку в небе, пока та вовсе не скрылась.

Едва ворон и его необетованный звук исчезли, Саша подняла свою промокшую насквозь одежду с земли, и направилась домой, так и не одевшись.

– Ой! – шикнула баба Нюра соседке, с которой она только говорила о прошедшей грозе, – сумасшедшая Иркина идет. Ба! – тут же воскликнула баба Нюра, – совсем голая!

Соседка, женщина помоложе, тетя Катя, как ее все называли в поселке, перевела взгляд туда, куда показывала баба Нюра.

– Ох, срамота! – сказала тетя Катя, продолжая неестественно долго смотреть на юные очертания прелестной фигурки 18-летней девушки.

– Саш! – Баба Нюра окликнула девушку, – накинь сарафан-то! Накинь!

Саша повернулась к теткам, нагло усмехнулась над их предрассудками и пошла дальше с сарафаном в руках.

– Бедная Ирка! – с искусственной горечью сказала тетя Катя, смотря вслед неспешно уходящей девушке. – Поговаривают, что она меньшую-то не от Кольки родила, вот Бог-то и наказал ее! – тетя Катя кивнула на Сашу.

– Кто знает, – покачала головой Баба Нюра, – кто знает. Они к нам в поселок переехали 5 лет назад. Может и не от Кольки.

– Да точно говорю тебе! – тетя Катя заговорщически пригнулась и наклонилась к бабе Нюре. – Сашка даже не похожа на Кольку. У нее глаза ишь какие черные! А у Кольки-то голубые. И у Ирки тоже. Славка вот копия отца. И волосы светлые, и глаза голубые. А эта! – тетя Катя опять кивнула в сторону Саши, – волос черный, сама бледная. Как цыганская дочь, ей-богу! Вот поэтому и больная на голову. Ох, Ирка намучается за свои поступки.

Баба Нюра сочувствующе покачала головой, провожая глазами скрывающуюся Сашу за холмом.

Погода совсем разошлась, снова начала разбрасывать жар кругом. Люди постепенно выходили из домов доделывать дела по огороду и участкам, которые в спешке побросали, внезапно застигнутые зловещей грозой.

Многие в тот день видели Сашу, неспешно разгуливающую обнаженной по главной улице поселка. Многие охали и ахали, сочувствуя Ирине Ильиничне. Бабки да тетки испытывали стыд и отвращение, глядя на девушку, но тут же, стараясь как бы замолить грех, говорили о том, что бедное дитя нездорово, с головой проблемы.

Деды робко отворачивались, встретившись с Сашей взглядом, но, с пунцовыми щеками, стесняясь, все равно поглядывали на нее, на ее спину, на длинные мокрые волосы, в которых застряли палочки и кусочки мха.

Многие старались отвернуться и притвориться, что ничего не видят и не слышат, в то время как неугомонный взор настойчиво продолжал искоса смотреть на плавные движения обнаженной девушки, а губы скорее хотели шептать осуждения. Скорее! Скорее сказать! Скорее выговориться!

Саша шла через всю деревню с гордо поднятой головой, с ухмылкой на губах, не обращая внимания на сакраментальную шалость жителей. Пускай смотрят. Пускай шепчутся. Пускай смотрят на то, что они никогда не смогут сделать.

Позади Саша услышала шум мотора. Не оглядываясь, она сделала шаг в сторону, пропуская машину вперед. Ей все было безразлично, как и то, кого повергать в шок: людей, живущих вместе с ней в поселке или водителей, проезжающих мимо машин. Пусть все плюются ядом! И улыбка еще шире и счастливее озарила ее лицо.

Машина остановилась. Саша пошла дальше, задорно помахивая сарафаном, чувствуя, как мокрые волосы то отстают от спины, как только босая ступня касалась прохладной после дождя земли, то вновь прилипают, как только она отрывала ногу от земли.

– Сашка! – услышала она знакомый мужской голос, наполненный тревогой. – Да ты что! с ума сошла? – к ней подбежал парень, стягивая с себя куртку, закутывая девушку в нее. Саша, сквозь задорный, нездоровый смех, смотрела на Максима, перепуганного до чертиков.

– Разве я тебе не нравлюсь? – вдруг спросила она обиженно, подняв свой глубокий, всеобъемлющий взгляд на молодого человека.

– Господи, – прошептал Максим, подводя девушку к машине. – Поехали, я отвезу тебя домой. Замерзла небось?

– Я не хочу домой, – грустно сказала Саша, печально разглядывая как за окном машины медленно катятся назад одинокие деревья, избы, гуляющие около них курицы и гуси, кусты, болтающие люди.

– Почему ты в таком виде ходишь по деревне? – Макс покачал головой, внимательно следя за колеёй, по которой двигалась машина с низкой посадкой, боясь свалиться и сесть брюхом на колею.

– Не хочу домой, – повторила Саша, игнорируя вопрос Макса. – Не хочу! Славка готовится к защите, а мама скрипит зубами от злости, ждет, когда я приду, чтобы устроить мне взбучку. Я прям вижу ее лицо!

– Конечно, – Макс притормозил и вытянул шею как страус, всматриваясь вперед на дорогу, – чертовы тракторы! Всю дорогу разбили. Чего вы сюда переехали... – Максим бубнил себе под нос, покрываясь потом, когда машина преодолевала очередные миллиметры на дороге.

Саша посмотрела на Максима внимательным взглядом, таким, словно она что-то знала о нем, что-то такое, что никто больше не знал и не мог знать.

– Мама не хочет, чтобы я жила в городе, – тихо сказала она, плотнее закутываясь в куртку Макса. – Она считает, что город опасен для меня.

– Еще бы! – перебил ее Макс, строго взглянув на девушку и на мгновение даже забыв о тракторных выбоинах на дороге. – Если ты будешь разгуливать в таком виде по Москве, беды точно не миновать.

– Я буду разгуливать в каком я захочу виде, – резко ответила Саша, – и где захочу, – добавила она уже чуть спокойнее.

У переезда был небольшой ручеек, на другой стороне которого, прямо за поворотом был коттедж, где жила Саша с семьей. Дорога перед переездом выровнялась, вновь появился асфальт и Максим притормозил, а затем и вовсе остановил машину. Он внезапно почувствовал дикое желание побыть с девушкой наедине подольше. Чем было обусловлено желание Макс знать не мог. Оно просто вонзилось ему в голову как гвоздь, по шляпке которого ударила многотонная кувалда и с одного удара гвоздь полностью погрузился в сердце Макса.

Он уставился на девушку, укутавшуюся в его куртку, беззаботно ковыряющую заусенец на указательном пальце, на кусочки грязи и мха, застрявшие под ее ногтями, ресницы, черные, застывшие, не моргающие, опускающие взгляд, на мокрые черные волосы, которые мочили чехлы кресла его машины.

Макс знал Сашу уже 6 лет. Узнал ее тогда, когда она была совсем еще девчонкой. Сколько ей тогда было? 12? Да, кажется, 12. Он только познакомился со Святославом, оказавшись в одном потоке, когда они тогда в 2007 оба поступили на лечфак 1-го медицинского университета. Тогда же он и познакомился с Сашей, когда она вместо уроков в школе явилась к ним в группу и незаметно отучилась весь день с братом, постоянно находясь за его спиной. Как же он тогда разозлился на нее! Он отчитывал сестру, грозил пальцем, грозил, что расскажет матери, что Сашка прогуляла школу, а она слушала его угрозы и улыбалась, словно Славка говорил что-то смешное.

Макс почему-то вспомнил именно тот день, когда он впервые увидел ее и после продолжительной семейной драмы, разыгравшейся на его глазах, долго расспрашивал Славу о сестре.

Почему сейчас он вспомнил то прошлое 6-ти летней давности? Зачем? Он не мог понять и все продолжал смотреть уже на 18-летнюю девушку, распутившуюся словно дикая орхидея. Он вздохнул и отвернулся, уставившись на дорогу, готовый тронуться дальше, переехать мелкий переезд, довезти девушку до дома, передать ее в руки матери и, наконец, пообщаться со своим другом.

– Подожди! – вдруг он почувствовал горячие ладони на запястье руки, держащей ручник. Он перевел нерешительный взгляд на девушку. Его куртка распахнулась и, окруженная черной тканью, появилась обнаженная грудь. Максим резко отвернулся, нервно постукивая по педали. Почему в присутствии этой девчонки он чувствует себя совершенно бесконтрольным? Что за власть она имеет над ним?

– Что? – буркнул он, рассматривая сам не понимая что в окно с водительской стороны. Что там? Высокая трава по обочине дороги? А это кто? Кузнечики что ли? Или стрекозы? Черт его разберет! Непонятно! И камни какие! Вот совсем маленькие, отточенные весенними паводками, прям как на морском берегу. А вон здоровенные булыжники. Грубые и неотесанные. Вон какие-то желтые бабочки сбились в кучу и сидят на песке, прямо около воды, щупают хоботками мокрый песок. Зачем? Разве это нектар?

– Пойдем со мной, – Сашка резво выскочила и в припрыжку подбежала к переезду. Словно нимфа она практически взлетела на редкие камни, чьи макушки торчали из воды и, наклонившись, уперевшись ладонями в камни, уставилась в воду. – Смотри! Смотри! – помачала она рукой Макс, в нерешительности застывшему на берегу.

– Что там? – спросил он, все еще пытаясь выкинуть из головы воспоминания, ласкающие обнаженную юную девушку.

– Иди сюда! – Сашка бросила на него взгляд и, вновь не понимая почему и зачем, Макс двинулся к ней, перепрыгивая по камням, небрежно раскиданным кем-то через ручей.

– Ну? – спросил он, уже ютясь на одном камне с Сашей. Она смотрела куда-то в глубину маленького ручейка, в которой слилась маленькая речка, проходившая через всю деревню, дающая питье всем жителям и животным.

– Вон! – Саша ткнула пальцем вперед, указывая на выпирающий камень в полутра метрах от них. – Там.

Макс прищурился, стараясь разглядеть то, что ему показывала Саша. Но он ничего не видел, только течение реки, обтекающее с двух сторон выпирающий камень.

– Я ничего не вижу, – пожал он плечами.

– Да вон же! – Саша топнула ножкой, тыкая пальцем вперед, но не удержалась и соскользнула в воду. Падая, она крепко зацепилась за Макса и увлекла его за собой.

Речка, полностью состоящая из родников и ключей, была невозможно холодной даже в такой жаркий день. Максим, плашмя грохнувшись с камня в холодную воду, почувствовал себя провалившимся под лед на зимнем озере. Ни сразу он заметил, что острым камнем порезал джинсы на колене, и кожу вместе с ним. Зато он сразу заметил, как мокро и неумолимо холодно ему стало. Сверху на его груди, смялась детским и глупым смехом Саша, мокрая вновь, а на камнях чуть подальше зацепилась его куртка, которая слетела в момент неловкого падения.

Ох, как зол был Макс! Ему хотелось придушить девчонку! Утопить ее в этой луже! Ну треснуть хотя бы по лбу, чтобы хоть как-то заставить ее соображать. Но он тут же успокоил сам себя, повторяя как мантру, что Саша просто юродивая. Она больна. А на умалишённых нельзя злиться. Нельзя и воспринимать их всерьез, как бы сильно не хотелось сделать это.

Он встал с колен, затем поднял девушку, стараясь не смотреть на ее наготу, объятую мурашками от холода. В два прыжка он схватил свою куртку, колыхающуюся на водной поверхности, застрявшей на камнях, и потащил девушку к машине. У него точно был свитер в багажнике! Хоть что-то найти, чтобы спрятать от себя в первую очередь это замерзающее рядом тело.

Саша стояла около машины и прищурившись, склонив голову набок, смотрела на копающегося Макса в багажнике.

– На! – сунул он, не глядя на нее, – надень.

– Почему ты хочешь, чтобы я думала, что не нравлюсь тебе? – спросила она, подойдя к нему, не спеша надевать предложенный свитер. Максим вздохнул, вырвал свитер из ее рук и быстро натянул его на нее. Молча, все еще злясь на себя уже скорее, он усадил девушку в машину и покатился через переезд к дому, где жила Саша.

– Я знаю, что нравлюсь тебе, – сказала Саша тихо, смотря вперед с сардонической улыбкой на губах. – Я знаю, почему ты молчишь сейчас. Я слышу, как громко ты пытаешься думать о своей девушке, умоляя себя думать только о ней, отрицая свою симпатию ко мне. – Саша снова усмехнулась так же, как она усмехалась раньше. Но сейчас ее усмешка стала злая, не похожая на ее обычную детскую и глупую ухмылку, полную озорства. Сейчас она усмехалась так злобно словно не просто была уверена в правоте своих слов, а действительно знала каждую мысль, проскочившую у Максима.

– Са-ша! – по слогам произнес Макс, не рискуя смотреть на нее, убеждая себя в том, что сидящая рядом девушка – шизофреничка, бич семьи его друга. И он должен быть вежлив и учтив с больной. Уже совсем скоро он получит станет врачом и дальше ему придется общаться и не с такими пациентами.

– Да, – продолжила она, повернувшись к нему, цепкими пальцами погрузившись в его ногу, подползая ближе, продолжая шипеть как змея, – да, Максим, это не конец моих знаний. Сейчас твоя девушка направляется в клуб с двумя подругами. – Черные глаза Саши застыли, устремившись во что-то невидимое, как будто они смотрели в какую-то материю, которую никто кроме нее не мог видеть. – Но они туда не дойдут. Они придут в общежитие и там твоя девушка будет не только твоей. Бедный Максим. Пока ты будешь подкреплять знания, она будет изучать анатомию в общежитии, на себе. Мужскую анатомию.

– Саша! – чуть громче повторил Максим, сквозь сжатые зубы, останавливаясь у дома.

– Я многое могу рассказать тебе о тебе и твоей жизни, – девушка коварно улыбнулась, – даже о твоей симпатии ко мне. Когда тебе станет интересно, дай мне знать. – Саша вышла из машины и тут же из-за забора вылетела Ирина Ильинична. Оглядев бешеным взглядом свою дочь, она принялась чихвостить ее, неспешно бредя за ней по пятам. Саша не обращала внимания на мать, но с улыбкой на губах косо поглядывала на опешившего Макса.

5

В 8:30 должно была начаться заключительная консультация по литературе перед экзаменом. Немного студентов посчитали нужным присутствовать. Это же консультация. Двойку или пятёрку все равно никто не поставит, а уповать на то, что преподаватель запомнит и отметит про себя уровень ответственности первокурсника – дохлый номер. Но откуда могли это знать первокурсники? Любая надежда, даже самая больная, едва дышащая – явление чрезвычайно мощное, способствующее движению.

Саша пришла на консультацию не потому, что надеялась умаслить преподавателя. Она наперед знала, какой вытасит билет и какой ответ она должна дать, чтобы получить хорошо. Знала она и все дополнительные вопросы, которые ей непременно зададут, чтобы дать шанс получить отлично. Она знала, что ответить и на них. Она пришла на консультацию потому, что было невыносимо находиться дома. Ирина Ильинична утомила дочь своей чрезмерной опекой и тщедушными переживаниями, и страхами. Все считали Сашу умственно отсталой и мать столько слез пролила из-за своего ребенка и из-за того, что была не в силах помочь ей, будучи врачом высшей категории, доцентом кафедры неврологии в медицинской академии.

В тот день, как назло, Ирина Ильинична была дома, и Саша решила отправиться на консультацию по литературе.

В коридоре перед закрытой аудиторией среди малочисленной группы отважных студентов мелькнуло лицо Кирилла. Мелькало оно, улыбалось, затем громко смеялось, громко говорило только потому, что задача у него стояла привлечь внимание Саши. Кирилл не сводил косых взглядов, внимательно и целенаправленно выжидая реакции девушки. Должна была быть реакция! Хоть какая-то! Хоть взгляд: либо радостный, либо полный злобы. Должен быть хотя бы вздох: либо тяжелый, либо с облегчением. Должно быть что-то, исходящее от этой девушки с холодным мраморным взглядом! Но ожидания Кирилла не оправдались. Саша ни то что ни разу не посмотрела на него, она даже не посмотрела в его сторону. Она даже не моргала. Дышала ли она? *«Чокнутая»*, подумал Кирилл, перестав паясничать после того, как понял, что его движения не вызывают абсолютно никакого эффекта. *«Ничего! Я тебя расшевелю! Посмеемся вместе!»*, он злобно ухмыльнулся, не отводя пронзительного взгляда от девушки.

Дверь открыла пожилая преподавательница с седыми волосами, подстриженными ровным каре. Открывая дверь, она окинула внимательным прищуром небольшую аудиторию. Опять одно и то же. Можно смело брать выходной в дни, когда назначены консультации. Приходить ради 10 студентов из 35, к тому же пятеро из них пришли просто весело провести время – неблагодарное занятие. Она вздохнула, пропуская галдевших студентов в аудиторию.

Саша уселась за последнюю парту ряда у стены, стараясь расположиться как можно дальше от Марии Фёдоровны и ее противного голоса, скрипучего и тянущегося как старая заезженная пластинка.

Саша опустила за парту, достала пустую тетрадь, открыла ее ровно на середине, положила ручку, в которой закончились чернила еще неделю назад и застыла, как потерявший внезапно электроэнергию робот. Ее черные глаза с золотым отливом впились в лицо Марии Фёдоровны, заставив преподавательницу испытывать неприятные эмоции, даже немного внушая испуг. Уже 25 лет Мария Фёдоровна работала в этом медицинском колледже, занимаясь с первым курсами медсестринского и фельдшерского отделений и за эти годы работы она встречала разных студентов: усидчивых отличников, погружающихся в любой предмет, указанный в расписании; студентов, которые смело заявляли, что им не нужна литература, они пришли учиться медицине и им достаточно получить удовлетворительно; тех, кто обожал русский язык и литературу, не лишенных сантиментов; тех, кому было наплевать на предметы, да и на саму учебу и находились они здесь потому, что надо было где-то находиться. Но таких студентов, с

отклонениями, она любила и жалела больше всего. Но таких как Саша преподаватель русского языка и литературы никогда не встречала, не то что студентов, даже людей похожих.

Мария Федоровна помнила брата Саши, Святослава, закончившего фельдшерское отделение и успешно поступившего в медицинский университет. Вот мальчик был совсем другой. Учился как положено, шалил, конечно, и с девчонками гулял, но совсем другой. Святослав в ее памяти был «живчиком», а его сестра как заблудшая душа, совсем не от мира сего.

Мария Федоровна ответила Саше испытующим взглядом, но та даже не моргнула, и преподаватель решила не обращать внимания: это просто странная девочка, и отвернулась раскладывая свои книги и материалы для тех, кто все-таки отважился прийти на консультацию, невзирая на искрение мотивы. За свою долгую жизнь Мария Федоровна уже поняла, что, к сожалению, искрение мотивы зачастую злые и эгоистичные, и о них лучше ничего не знать.

Саша не заметила, как рядом сел Кирилл. Зато остальные заметили. О, их лица надо было видеть! Равнодушным никто не мог остаться, даже те, кому казалось было плевать на все.

– Привет! – Кирилл улыбнулся, разглядывая профиль девушки, не замечающей его.

Саша продолжала смотреть в свою какую-то личную точку, абсолютно не слыша того, что происходило вокруг нее. Кирилл перестал улыбаться. Тут же в голове проскочило давно уже изъезженное прилагательное, характеризующее сидящую рядом девушку – сумасшедшая. Но его желание поиздеваться и посмеяться над ней никуда не делось, а скорее наоборот, вспыхнуло с неистовой силой.

– Саш? – позвал он ее тихонько, чтобы никто не слышал. Хватило того, что вся группа слышала, как он поздоровался с ней, а она проигнорировала его. Больше он не хотел, чтобы его позорили. Девушка вздрогнула и повернулась к нему. Ее лицо выражало натуральное недоразумение и непонимание. Что это? Кто этот человек? – словно спрашивали ее глаза. Она хмурилась, поджимала губы, рассматривая лицо Кирилла так тщательно, как будто рассматривала предмет, состоящий из большого количества деталей, ни одну из которых нельзя было упустить из вида.

Кирилл чувствовал себя растерянным, на мгновение даже не в состоянии произнести ни слова. Почему она так смотрит? Что с ней? Может у нее обострение и сейчас она кинется на него? Парень явно занервничал, поддаваясь чуждой ему панике. Набравшись смелости он взял себя в руки и заставил свои губы улыбнуться. Улыбка была такая слабая, натянутая, боязливая и Саша увидела все истинные оттенки улыбки Кирилла. И... она улыбнулась. Саша улыбнулась не парню, а над его тщетной попыткой продемонстрировать общепринятую любезность в момент, когда он совсем не хотел быть любезным. Как это забавно! Восприняв улыбку девушки как положительный знак, Кирилл чуть расслабился, встрепенулся, разжал сжатые в мёртвый замок руки.

– Привет! – снова повторил он, но уже более уверенно. Саша склонила голову набок и чуть прищурила глаза. Она всегда шурилась, как только хоть 1 грамм подозрительных мыслей атаковал ее разум. Она ничего не отвечала, продолжая пялиться на Кирилла так же, как только что пялилась на Марию Федоровну, словно никогда не видела разницы между лицами.

– Не против, я с тобой сяду? – Кирилл снова улыбнулся, все еще страдая от тотальной неловкости происходящего. Чего он прицепился к этой чокнутой? Этот вопрос не давал ему покоя, внезапно стремительно ворвавшись в его разум.

Саша молчала. Она ни о чем не думала. Ей не надо было. Ей просто нравилось смотреть на прямой нос, чуть широкие крылья ноздрей, на улыбающиеся губы, пухлые для парня, по ее мнению, на его голубые глаза, переполненные замешательством и осознанием неуклюжести момента.

Она чувствовала его запах! Природный, а не тот, который Кирилл утром вылил на себя, терпкий и сильный. На самом деле пах он по-другому так, что Саша почувствовала рвотный позыв глубоко в горле, но не подала виду.

– Я-я, – Кирилл снова попытался что-то сказать, не зная что именно, – говорят, ты хорошо знаешь русский и литературу. Вот я решил посидеть с тобой на консультации. Может, ты мне поможешь? – без всякой на то причины, Кирилл начал оправдываться. А еще злиться. Ведь то малочисленное количество студентов, дошедших до консультации, наблюдало за ним и этой чокнутой, уже не пряча своих любопытных взглядов. И это бесило его. Бесило то, что публика смотрит не с привычным для него восторгом и почитаниями, а с глумливыми выражениям лиц, готовая вот-вот рассмеяться. Из-за чего? Из-за чокнутой девки? Неужели сумасшедшая сделает из него сейчас посмешище?

– Кирилл, – произнесла Саша и парень, и все наблюдатели вздохнули с долей облегчения, но все еще никто не верил, что сцена вот так вот закончится. Он улыбнулся и ждал, когда Саша скажет что-нибудь дальше, если она, конечно же, соизволит говорить дальше. – Расскажи мне о грозе, – она взглянула на его лицо.

Кирилл нахмурился и, приоткрыв рот, будто приготовился сказать что-то, молча уставился на девушку. Саша улыбалась, глядя на него, но ее лицо, ее глаза по-прежнему оставались ледяными, как скалы на полюсах нашей земли. Ее глаза и улыбка были словно на разных лицах.

– О грозе? – спросил Кирилл, ничего не понимая, но тут же вспоминая недавнюю грозу, когда прямо перед ним грохнулся огромный дуб, пострадавший от удара разъяренной молнии.

– Друзья, давайте начинать, – Мария Федоровна поднялась с места и вышла на середину класса, – я думаю, что больше никто не придет, а те, кому надо, уже здесь...

Впервые Кирилл был чрезмерно благодарен преподавательнице русского и литературы за то, что она начала лекцию и ему нельзя больше разговаривать. Кирилл испытал настоящее счастье и, с непреодолимым удовольствием последовав запрету болтать на парах, замолчал.

– Расскажи мне о грозе, – Саша повторила, игнорируя его вопрос. Парень терялся в разбросе собственных мыслей.

– Гроза – это природное явление, – смущенно зашептал он, подняв удивленно брови.

– Нет, – покачала головой Саша, – нет. О той грозе, когда сводит ноги от страха, когда лицо становится бледным, потому что кровь отступает. Куда, кстати, она девается? – загадочно спросила Саша и замолчала на секунду-другую, но тут же, снова прищурившись, продолжила, – о той грозе, когда хочется бежать, но гордость и страх прослыть трусом среди своих друзей не позволяют, о той, когда становится наплевать и думаешь только о себе, мечтая спрятаться, закрыться бетонными стенами, лишь бы не слышать ужасающих звуков гремящего грома и не видеть сверкающей молнии...

– Александра! – Мария Федоровна отважилась сделать замечание слишком громко болтающей с ней в унисон девушке, – в чем дело?

Саша замолчала и медленно, с едва заметной агрессией перевела взгляд на преподавателя. «*Давай, спроси меня о Тургеневе*», улыбнулась Саша.

– Вы все знаете о Тургеневе? – спросила Мария Федоровна, сдвинув брови на переносице, поглядывая то на Сашу, то на Кирилла.

– Достаточно, – Саша впиалась в нее грозным взглядом, – спрашивайте.

– Я спрошу на экзамене через неделю, – Мария Федоровна ответила строгим взглядом, чувствуя, как внутри поднимается стена, за которой ей хотелось спрятаться.

– Я знаю, – Саша приподняла уголок губ. Мария Федоровна решила, что сейчас самое время прервать странный диалог с не менее странной девчонкой. Она – просто больной ребенок.

Кирилл сидел с удивленным лицом. Краем уха он слышал диалог Саши и преподавателя, но не особо-то обращал внимания на него. Все его мысли были заняты вопросом о грозе и чувствах, которые описывала Саша. Чувствах, которые он на самом деле испытывал в момент бури в тот день, когда перед ним упало дерево. Что за дьявол? Почему сумасшедшая говорит

так? Она следит за ним? Откуда она могла знать о том, о чем Кирилл сам узнал только, когда оказался в безопасности и когда черное небо стало проясняться?

Оля, пришедшая на 15 минут позднее, после того как началась консультация, в первые секунды была ошарашена тем, что увидела Кирилла, сидящего рядом с этой, которую все жалели за моральную убогость. Она, едва зайдя в кабинет и наткнувшись взглядом на них двоих, глотнула такой большой глоток нездоровой ревности, что даже поперхнулась. Дав себе несколько минут прийти в себя, Оля смирилась с планом Кирилла посмеяться над Сашей. Дурочка должна была влюбиться в него, а он, воспользовавшись своим положением, хорошенько вытереть об нее ноги. Для преподавателей Саша всегда была немного отсталым ребенком, а для одноклассников и потом уже для одноклассников – зазнавшимся отсталым ребенком.

Кирилл испытывал непреодолимое желание вовлечь Сашу в любовную авантюру и сделать из нее посмешище. Просто так. Без причины. Хотя, может причина крылась в том, что Саша вызывала у него не просто антипатию, а даже отвращение. Может, потому что ему хотелось утвердиться, отдав жертву на растерзание. Для укрепления своих позиций всегда нужна жертва – всем известный, печальный факт. И жертвой, как правило, выбирают самого слабого, незащитного. Саша была именно той жертвой в глазах Кирилла. Оля понимала это. Кирилл много раз рассказывал ей о своих планах и действиях, как и что он будет делать. Но Ольга плохо слышала его. Ее слух портился, как только ее глаза находили его губы, шепчущие о чем-то. Какая разница о чем? Просто посмотрите, как красиво они шепчут! Ее мысли и логика впадали в мгновенную летаргию, когда глаза питались его лицом, черты которого Оля в прямом смысле обожествляла. Какая разница, о чем он говорит, когда морщинки на внешних уголках его глаз так красиво улыбаются? Оля не была слушателем, она была почитателем Кирилла.

И в тот день она пришла на консультацию только из-за того, что знала, что Кирилл тоже придет. Она пришла смотреть на него. Слышать его голос. Поклоняться ему. Боготворить. Впереди лето: одинокое, пустое, горькое, отравленное беспощадным вакуумом. Лето без Кирилла и его лица!

Она хотела сесть рядом с ним, чтобы чувствовать его наивкуснейший парфюм, порой перемешанный с запахом табака. В ее глазах он был юным, но уже мужчиной.

Но рядом с ним сидела эта сомнительная персона. Интересно, как же так получилось? Она села к нему? Или он к ней? И та, и другая мысли были страшны для Оли.

Шмыгнув носом, не отрывая взгляда от парты на галерке, Оля прошла в аудиторию и села в средний ряд на последнюю парту, чтобы быть ближе к тому, ради кого она пришла. Но Кирилл не замечал ее. Он никогда не замечал ее. Как, в принципе, и других девчонок. Воспитываемый отцом, озлобленным на весь женский пол в связи с изменой любимой супруги, матери Кирилла, отец с детства внушал сыну о бездарности женщины. Он говорил, что мужчина имеет право любить игры, охоту, рыбалку и водку, но не женщину. Это одушевленный предмет, созданный для удовлетворения мужчины, но не для любви. Женщин нельзя любить. И Кирилл вырос, ведомый словами отца.

Но в тот момент Кирилл не замечал Светы не потому, что строго следовал советам отца, а потому что его только что огорошили и даже напугали.

6

– Слав! – Макс сидел напротив, потягивая ледяную газировку, шипящую в горле, – защита и прощай лечфак! Представляешь? Черт возьми, до сих пор не могу поверить!

Святослав оторвался от своих мыслей и его губы исказила фальшивая улыбка.

– Да, – промямлил он, взглянув на учебники по психиатрии, лежащие на столе, – и мы – врачи, – попытожил он печально, – убийцы.

– Да брось! – Макс, впитавший в себя весь цинизм черного юмора за 10 лет обучения медицине, не смог не улыбнуться, – не такие уж мы и неучи. Посмотри вон на Иванову! Ума не приложу, как она доучилась до 6 курса, дотянула до защиты! Вот уж действительно не дай бог попасть к такому врачу! Лучше просто лечь и умереть, хотя бы мучиться не будешь.

– Совсем плоха? – спросил Слава, вспоминая Иванову из параллельной потока лечфака. Кто это? Фамилия знакомая. Он точно слышал о ней, но не принял во внимание. Зачем? Святослав никогда не обращал внимания на то, что связано с университетом, только на предметы.

– Плоха – это слишком позитивный эпитет, описывающий ее компетенции, – Макс усмехнулся и поморщился после очередного глотка газировки из-за «пузырьков», ударивших в нос. – Неделю назад она без стыда, во всеулышание, хохоча, рассказывала, что была уверена, что моляры – это те, кто красит стены и никак не могла понять, почему ее стоматолог говорит о малярах, осматривая ее ротовую полость, да еще и неправильно ударение ставит. Она несколько раз поправила его, акцентируя внимание на том, что правильно маляр, а не моляр, и стоматолог спросил у нее, дескать, вы сейчас действительно заканчиваете лечфак. Иванова гордо заявила, что так оно и есть, но несмотря на это, у нее твердая четверка по русскому языку и она абсолютно точно знает, как правильно пишется слово маляр, – Макс покачал головой, в очередной раз поражаясь рассказу, который он уже рассказывал не первому человеку.

– Чему удивляться? – спросил Слава, явно не ожидая ответа от Макса, – у нас полгруппы таких, практически дипломированные специалисты, врачи, те, кто спасает жизни, а по факту эта половина до сих пор жопу с головой путает не то, что моляры с малярами. – Слава отодвинул недоеденный суп в сторону, скомкав салфетку, бросил ее рядом с тарелкой на столе. Он злился. Его раздражало печальное осознание зловещей реальности и невозможность ничего исправить со своей стороны. А хотел ли он исправлять что-либо?

– Слишком пессимистично, – Макс снова усмехнулся, – главное, что ты знаешь все, что должен знать, что ты никого не убьешь потому, что не знаешь, где находится жопа, а где – голова.

– Да, Макс, – Святослав взглянул на друга, – вот и происходит в жизни главное то, что ты, а что остальное – плевать. Разве тебя успокаивает то, что мы с тобой знаем то, что должны, а они, – Славка кивнул на идущую мимо группу студентов с параллельного потока, – нет? Ты чувствуешь себя лучше от этого знания?

Макс молчал, понимая к чему клонит друг. Да они оба прекрасно понимали, что выпускаются из медицинского университета и получают специальность практически вершителей судьб.

– Да, – Макс снова усмехнулся, – ты прав. Мне не легче. Мне все равно, что там у других. Для меня главное, что у меня, моих близких и друзей. Меня не хватит на все человечество, чтобы думать и беспокоиться обо всем, что происходит с другими. Я могу сопереживать и сочувствовать, я не тотально безразличен, но дать им более я не могу. Я уже сочувствую тем пациентам, которые придут к таким, как Иванова или тем, кто не может отличить голову от жопы. – Макс замолчал. На его смуглом лице все еще была добрая улыбка, что-то значащая для Максима, да и для Славки. Но ни один из них не задумывался о ее значении, так как оба слишком глубоко задумались о значении слов, сказанных друг другу.

– Как Сашка? – Макс решил перевести тему. – Закрыла сессию? Все хорошо?

Славка совсем помрачнел. Его лицо сжалось, словно кожа стремилась к одной единственной точке на его лице, находящейся в середине переносицы.

Он был зол на свою сестру. За последние несколько дней она дел натворила, что до сих пор расхлебывает все семейство, а ей самой хоть бы хны. Ходит, улыбается дальше, творит свои странные деяния и говорит не менее странные вещи, от которых кровь в жилах стынет.

Конечно, уже несколько дней весь поселок, близлежащий к Москве, где у Славки был частный коттедж, обменивался слухами, что девчонка вон из того богатого домика, где врачи живут, разгуливала после грозы голая. *«А сиськи-то ничего!»*, *«А задницу видел?»*, *«С ее фигуркой мне бы ее на ночь, я бы даже не посмотрел на то, что она чокнутая»*, – вот, что то и дело слышал Слава от местных парней, да и своих ровесников, работающих на тракторах в полях. *«Да проститутка она!»*, *«Конечно, денег у родителей много, вот с жиру и бесится»*, *«Такие родители благопристойные, а дети-то!»*, – это то, что Славка слышал от бабок, осуждающих его сестру. Деды воздерживались, молчали, думали о своем или говорили своим бабкам, мол хватит трепаться. Если семью Славы знал еще не весь поселок, то после прогулки Саши в обнаженном виде, их семья стала известна каждому. Абсолютно. И эта популярность не играла на руку их семье. Ирину Ильиничну то и дело расспрашивали о Саше и ее поведении, подшучивали над Славкой, интересуясь доступностью его сестры. Буквально даже позавчера Святослав сцепился с одним совсем наглым шутником. Вначале словесно, а потом оба вовлеклись в драку. Славка как мог пытался доказать людям, что его сестра не такая, как они о ней думают. В такие моменты он всегда хотел сказать, что Саша – умственно отсталая, что окружение должно делать ей скидку из-за этого. Но у него язык не поворачивался говорить так о своей сестре. К тому же, ни один врач не подтвердил наличие каких-либо заболеваний у Саши. А потом он уже просто хотел, чтобы его и его семью оставили в покое, прекратили обсуждать и цеплять. Но получилось вовсе не так как он хотел. Его реакция наоборот распыляла интерес общественности.

Вчера Саша рассказала Лизе, девушке Славы прям при брате, о том, что людям не стоит прикрываться платьем опрятности и послушания, завешивая природную распушенность и любвеобильность. Саша сказала обезличенными предложениями о том, что, когда люди стремятся к чужим деньгам, продавая за них свою любовь, случаются плохие вещи.

Лиза – девушка, с которой Слава начал встречаться пару месяцев назад, которую вчера впервые решил пригласить в гости познакомиться с Ириной Ильиничной. С отцом он планировал познакомить их через неделю, когда тот вернется с конференции хирургов из США. Главное, чтобы Лиза понравилась маме. Николай Борисович держал нейтральную позицию по отношению к пассиям своего сына. У него все было закономерно и просто: нравится? Встречайся. Не нравится? Извинись и закончи отношения. И если Слава спрашивал более детального совета, Николай Борисыч всегда отвечал: *«Что? зачем ты спрашиваешь меня? Разве мне с ней жить?»*. В этот раз Славе не пришлось знакомить Лизу с отцом. Слава, несмотря на свои чувства, порвал с ней после встречи у него дома. Лиза не понимала, почему Слава поступил так и винила во всем Ирину Ильиничну, думая, что мать настроила сына против его девушки. А Слав, услышав то, что говорила Саша, понял суть сказанного. И он злился на сестру из-за этого. Злился из-за того, что она всегда говорит странные вещи, которые оказываются правдой. Славка единственный из всей семьи, кто знал наверняка, что слова Саши – не пустые и бессмысленные вещи, терзающие разум сумасшедшего. Он был единственным, кто не верил, что Саша умственно отсталая. Она со странностями, но не больная.

– Конечно, закрыла, – Слава, наконец, ответил. Макс смущенно рассматривал выражение лица своего друга. Почему его вопрос вызвал столь долгое молчание? Почему Слава нахмурился, словно речь шла не о его сестре, а о необратимой катастрофе? Макс знал Славку 10 лет и тоже уже давно заметил странности его сестры. Но он, как и все другие, быстро списал все это на психиатрический диагноз, и его отношение сразу смягчалось и многое прощалось.

Он всегда относился к ней, как к маленькому ребенку, беззащитному и неразумному. До того момента, пока не усадил ее голую в свою машину, закутанную в его куртку. Тогда он заметил, что беззащитный ребенок на самом деле юная девушка с потрясающей фигурой, с томными черными глазами с золотистым отливом, с черными ресницами, с черными длинными волосами, с белой, чрезмерно белой кожей. И с того момента у него никак не клеилось два факта: притягательная и сумасшедшая. Он не мог утверждать, что Саша отличалась сказочной красотой, но именно ее фигура вскружила парню голову и он никак не мог вырвать из памяти ее обнаженную спину, очерченные лопатки, плавно двигающиеся вместе с движением рук; узкую талию, нежную, которую так хочется поскорее сжать в руках, чтобы не только увидеть, но и почувствовать на физическом уровне ее природную грацию и гибкость; округлые бедра и их изгибы, опускающиеся вниз, словно дуги, описывающие их вершины, их плавные движения при легкой поступи; ноги, дарящие чужим взглядам скользкую походку. Саша привлекала к своей персоне желание. И самое неловкое для Макса то, что девушка знала точно, какие эмоции вызывала у парня. А еще она знала, что ничего подобного Макс никогда не чувствовал к своей девушке, ни тем более к другим.

– Слушай, – Макс перестал улыбаться, опустил взгляд, – тогда, когда я привез ее домой в таком виде... – Макс запнулся, почувствовав волну смущения и продолжил шепетильную тему, – ты не спрашивал у нее, почему она решила идти вот так вот?

Славка взглянул с подозрением на Макса. Вдохнул, понимая законность спровоцированного интереса. И снова принял удар очередной злости: почему он опять должен отвечать на эти вопросы? Почему бы Макс не позвонить Саше и не просить все, что его интересует у первоисточника, исключив его, Славку, из цепочки позора и стыда?

– У нее всегда есть причины на то, что она делает. Саша редко рассказывает мне о них. А если и рассказывает, то, знаешь, – Славка смиренно усмехнулся, – нужно потратить много времени на то, чтобы расшифровать ее язык. Она говорит так, что ты вместо того, чтобы понять все сразу, вот так как мы сейчас с тобой общаемся, слышишь египетскую стену, изрисованную древними иероглифами. Она сказала, почему ходила в таком виде, – Слава снова улыбнулся.

– И что же это? – Макс заинтересовано разглядывал как рождаются и умирают чувства стыда и смущения, радости и отчаяния, обреченности и веры на лице своего друга.

– Вот тебе пазл, раз ты так жаждешь услышать его! Она сказала, что чтобы душа насытилась материей вселенной, нужно очистить себя от обыденности.

Макс удивленно вскинул бровями. Да, у Саши действительно существовала причина, но смысл ее поступка был понятен только ей, несмотря на то, что она была готова поделиться им со всем миром.

– Вы делали психиатрическое обследование? – неожиданно спросил Макс.

– Брось! – Святослав покачал головой, встряхнулся, словно скидывая с себя то, что он не хотел слышать. – Саша не сумасшедшая.

– Ее поступки говорят об обратном, – Макс безразлично пожал плечами, пытаюсь в первую очередь убедить самого себя в неменяемости Саши. Ему было бы значительно легче, если бы его диагноз подтвердился специалистами. Много можно было бы простить и не обращать внимания.

– Мать тоже так считает! – Славка вздохнул, – но я знаю, что это не так. Мне порой самому хотелось бы на 100% убедиться, что моя сестра – пациент клиники для душевнобольных, но, к сожалению, это не так, – Слава положил сумму по чеку в чёрную папку, только что положенную на стол, и встал. – Пойдем? – спросил он с надеждой в голосе, мечтая сменить тему и поскорее. Он не любил разговаривать о сестре, потому что уже неоднократно ловил себя на мысли, что невзирая на то, что он знает свою сестру с рождения, что прожил с ней бок о бок 18 лет, на самом деле он ничегошеньки о ней не знает. Чья в этом вина, он тоже знать не мог.

7

Саша, сдав последний экзамен, написав только брату о том, что она переведена на 2 курс медицинского колледжа, фельдшерского отделения, вышла из здания колледжа. В лицо дунул теплый ветер. Душный, лишенный кислорода. Саша улыбнулась. Любая погода в ее понимании была хороша, главное, чтобы она была. Главное, что можно дышать.

Она, не осматриваясь и думая ни о чем, скинула кроссовки, сняла носки и ступила босой ножкой на горячий асфальт. Шаг. Другой. Кожу обжигает, должно быть больно, но тело не чувствует боли.

– Саш! – услышала она крик позади. Девушка остановилась и обернулась – никого. Совсем. Буквально через минуту на крыльце колледжа появился Кирилл и крикнул: «Саш!».

То самое слово, с той же интонацией, с той же громкостью, с тем же звуком.

Саша смотрела на него, крепко сжимая пальцами кроссовки. Кирилл окинул взглядом ее с головы до ног и уперся в босые ноги, безропотно стоящие на асфальте, нагретом светом безжалостной звезды так, что на нем можно было яйца жарить, и в кучку осколков, лежащих позади.

– Осторожнее! – громко и испуганно сказал Кирилл, указывая на стекла. Саша опустила глаза, бездумно следуя цели, на которую указывал палец Кирилла и, не заметив стекла, наступила прямо на них. Кирилл остановился с ужасом ожидая, как вот-вот, через секунду-другую первый импульс, несущий собой боль, достигнет мозга и раздастся визг и активируется защитная реакция. Но ни через секунду, ни через минуту не последовало никакой реакции. Кирилл, поверженный крайней степенью безразличья, проявленного девушкой после того, как она наступила всей массой на разбитое стекло, стоял с открытым ртом.

– Ты, – Кирилл запнулся, не веря, что девушка на самом деле не чувствует боли, а скорее героически терпитее. С какой целью она это делает непонятно, но то, что она терпит боль, абсолютно точно! Ведь вот! Прямо около ее пятки появилась кровь! Кирилла передернуло. Он, будущий фельдшер, был готов к тому, что выбранная им специальность в будущем покажет ещё много пострадавшего мяса, много боли и страданий он увидит и услышит. Но то, что человек топчется по битым стеклам уже кровавыми ногами и никак не реагирует на это, никак не укладывалось у его голове. Кирилл не был готов к такому. Не по себе ему стало именно из-за странного и удивительного безразличия босоногой девушки и ее черного, всепоглощающего, тяжёлого как каменная плита, взгляда. Настолько черного, что Кириллу казалось, будто на него смотрят две бездны, червоточины, засасывающие все в себя. Девушка даже не моргала, ничего не замечая, кроме лица Кирилла.

– Ты наступила на стекла, – сообщил он, прочищая горло от скопившейся слюны. Саша молча, перевела взгляд на свои ноги. Да, действительно, под правой ногой сбоку виднелась кровь. Саша снова посмотрела на Кирилла, и он только один ответ мог прочитать в ее глазах: «и что?». На ее лице не было ни одной эмоции, которая должна была бы быть у любого другого нормального человека.

– Дай мне руку, – со страхом попросил Кирилл, протянув руку к ней. По необъяснимым причинам парень боялся этой странноватой девушки, боялся оставаться с ней наедине.

Саша безмолвно протянула ему руку, и Кирилл сжал ее пальцы, аккуратно, боясь причинить боль, подвел ее к себе ближе. Не говоря ни слова, они добрались до лавки на троллейбусной остановке. Кирилл посадил девушку и сид рядом, положив к себе на колени правую ногу с ранениями. Он бережно и заботливо, неожиданно для самого себя, осмотрел раны. Порезы глубокие, сильные. Кровь струилась по пятке и капала на асфальт, формируя лужицу, задевая штаны Кирилла.

– Как же ты так? – спросил он сам себя, все еще исследуя ее ногу. Окровавленные стекла остались лежать на асфальте, на вид в ранах ничего не осталось. И Кирилл, не понимая, что на него нашло, по-настоящему беспокоился о девушке. – Долго заживать будет, – подытожил он, все еще рассматривая ранения.

– А ты поцелуй их, – Саша посмотрела на него пронзительным взглядом.

– Кого? – Кирилл не очень понимал, о чем просит странная девушка.

– Поцелуй мои раны, – Саша улыбнулась и согнула ногу в колене. Кирилл опешил от просьбы но, несмотря на неистовый поток слов в его голове, отказывающей Саше в ее просьбе, несмотря на протесты, мысленно манифестирующие, Кирилл с чуждой ему нежностью, обхватил пальцами щиколотку и медленно поднял кровавую ступню к губам. Его разум верещал тонким, противным голоском, вопрошая, какого черта происходит, но тело продолжало начатое. И вот его мягкие пухлые губы прикоснулись к кровоточащему порезу на пятке. Саша улыбнулась такой страной, дьявольской улыбкой, не сводя черных глаз с изумленного лица Кирилла. Он смотрел в ее гипнотизирующие глаза, облизывая ее ступню. Его рот весь был в крови, его пальцы дрожали, ласково сжимая ее голеностопный сустав. Саша склонила голову набок, ухмылка становилась более очерченной, издевательской, взгляд все сильнее давил на Кирилла, пригвождая его к земле, заставляя пресмыкаться.

– Ты такой нежный, – прошептала она, подсовывая ему левую ногу, – поцелуй и эти раны. Они нуждаются в всё излечивающем твоим поцелуе, – Саша чуть усмирила свою ухмылку, но не избавилась от нее окончательно. Ей нравилось смотреть как ласковый язык зализывает ее раны, как красные от крови губы, причмокивая покрывают раны мягкими поцелуями.

Кирилл принял вторую ножку, опускаясь губами на порезанную кожу. Горячая кровь, удивительно темно-вишневого цвета, попадала ему в рот, он проглатывал ее вместе со слюной, все еще неотрывно и не моргая смотря в глаза девушки.

– Кирилл! – раздался визг возмущения и порицания. Парень вздрогнул и тут же отпустил ножку. Он вскочил с лавки судорожно оглядываясь, словно не понимал, где находится. На троллейбусной остановке уже собрались люди, в основном сдавшие экзамены студенты. Студенты! Из его же колледжа! Студенты знали Кирилла если не лично, то в лицо уж точно! Впереди стояла Оля, зажимая рот рукой, чтобы хоть как-то заставить себя молчать. Как сильно и безжалостно она была поражена тем, что увидела. В груди свело мышцы и нервы словно защипали, облитые уксусом, сжимаясь, при этом набирая массу, сильнее давя на ребра, грозясь сломать их, рвануть и разнести их вдребезги, на маленькие кусочки. Как же это возможно? Что же это такое? Что же происходит? А возмущение все сильнее стягивало свои кольца вокруг грудной клетки. Дышать тяжело, каждый вдох давался с таким трудом. И организм откровенно сбился, не понимая, какому алгоритму следовать. Активировать ли дыхательную систему? Успокоить ли нервную систему? Осушить ли слезы? Что же делать?

Кирилл вертелся на месте, разглядывая пораженные лица, оценивая масштаб бедствия произошедшего. Но он никак не мог справиться с мыслями и отключить расширяющееся состояние паники и гнева.

– Что за херня? – крикнул Кирилл, уставившись на улыбающуюся Сашу, не в силах справиться ни со своими эмоциями, ни объяснить себе произошедшее.

Студенты старших курсов стояли рядом и хихикали, едва сдерживая желание разразиться открытым смехом. Они перешептывались, тыкали пальцами и вновь хихикали.

Саша встала босыми ногами на грязный асфальт и подошла к Кириллу.

– Мягкие губы, – сказала она довольно громко, чтобы ее слышали все, – запомнят вкус моих ног, – Саша опустила глаза и улыбнулась, – захотят еще.

– Сумасшедшая сука! – Кирилл подался вперед, но тут же Оля, стоявшая до этого парализованная увиденным, схватила его за руку, не пуская сделать шаг.

– А они запомнят, – Саша вновь взглянула на парня и пошла плавной походкой прочь, ставя ноги в одну линию, покачивая бедрами.

Кирилл пнул со злости мусорный бак около остановки и громко вскрикнул. Его охватила видимая дрожь, а на глаза наворачивались слезы от обиды. Он сжал кулаки, а глаза бешено искали предмет, который можно было бы ударить. Лицо покрылось пунцово-бордовой краской, зубы плотно сжались.

– И что уже случилось? – на остановке появился преподаватель анатомии, которого первый курс еще не знал, так как анатомия должна была появиться в расписании только на 2 курсе. – Что у тебя с лицом?

– Да он ноги девчонке лизал, Николай Анатольевич! – рассмеялись старшекурсники. Анатом перевел удивленный взгляд на Кирилла и нахмурился. – А рот-то почему в крови? – спросил он.

Николай Анатольевич, преподаватель с огромным стажем, повидал много студентов и знал о многих интрижках, в которые студенты то и дело ввязывались, но, чтобы на остановке, прямо у ворот колледжа облизывали друг другу ноги, омывая рты кровью! Такого он еще не видел. Да, студенты умеют ежегодно удивлять педагогов чем-то новеньким и не очень умным. Не зря Николай Анатольевич говорил, что предыдущий курс был гораздо умнее.

Кирилл сжал еще сильнее кулаки и быстрыми шагами поспешил поскорее уйти, дабы не сгореть со стыда окончательно. Оля трусцой побежала за ним, пытаясь схватить его за руку. Уже около метро она остановила его и протянула влажные салфетки. Кирилл, чуть успокоившись, принялся оттирать рот. Но вместо того, чтобы стереть кровь, он размазывал ее еще сильнее.

– Дай сюда! – скомандовала Оля и стала аккуратно стирать кровавые, сухие разводы вокруг его рта. – Что это было?

Кирилл ответил ей таким взглядом, что девушке захотелось провалиться сквозь землю, чтобы больше никогда не видеть такого взгляда. Но она выдержала его взор, продолжая обтирать рот. Кирилл вздохнул, мысленно успокаивая себя всеми возможными и невозможными доводами. Ольга ни в чем не виновата. Не стоит кричать на нее.

– Не знаю, – ответил он, опустив голову. Багровая пелена вновь накинута свою вуаль на его лицо.

– Зачем ты это делал? – Оля достала другую салфетку, снова вытирая его лицо. Ей хотелось скорее покончить с этими отвратительными последствиями на прекрасном лице Кирилла, чтобы больше не видеть их, сразу попытаться забыть то, что увидели ее глаза.

– Что я делал? – Кирилл решил понять, что люди видели со стороны, – что ты видела?

– Как ты целовал ее пятки, – с отвращением сказала Оля, перестав вытирать кровь с его лица, – облизывал ее пальцы. У нее кровь текла, а ты слизывал... – в горле рос комок, тошнотворный комок, заставляющий быстро сглатывать скапливающуюся слюну. – Почему у нее была кровь?

– Дерьмо! – Кирилл отвернулся. Новая порция стыда захватила его тело. Что ж получается, люди на остановке видели это? Люди в проезжающих машинах видели это? Люди, проходящие мимо – тоже? Черт. Черт! ЧЕРТ! Все его нутро истошно голосило, не зная, как и куда можно выплеснуть центнер оголтелой злобы.

– Эй, – девушка обошла его, их глаза встретились, – что случилось?

– Откуда я знаю! – прошипел он, схватив ее за плечи. – Я просто сделал то, что она попросила! Понимаешь? Я просто это сделал!

Кирилл выдохнул, надув щеки, осматриваясь по сторонам. Хорошо, что у всех, кто это видел, есть два месяца летних каникул, чтобы забыть то, что случилось на троллейбусной остановке. Хорошо, что в ближайшее время не надо ходить на пары, ежедневно принимая душ позора и безжалостной насмешки. И Кирилл понимал, что по-другому и быть не могло! Мало

того, что подростки, в принципе, жестоки, так то были не просто подростки, а студенты медицинского колледжа. Цинизм и черный юмор попадали им в кровь вместе с воздухом, которым они дышали в стенах колледжа. Искать у них понимание или сочувствие равносильно поискам иголки в стогу сена.

8

– Ну что же это такое! – Ирина Ильинична встретила на пороге дочь с кровавыми босыми ногами. – Коля! – она тут же позвала мужа.

Николай Борисович не заставил себя долго ждать, появившись в коридоре, строгим взглядом осматривая дочь с головы до ног. Как же он устал от постоянных сюрпризов дочери. Он задержал взгляд на ее грязных ступнях и вздохнул. Почему она выжила? Почему она родилась и выжила? За что и кто их так жестоко покарал? Он ведь в жизни никогда ничего плохо не делал. Всегда был образцовым отцом, любил жену и сына. И дочь пытался любить. Правда! Но когда его мысли касательно психиатрического диагноза Саши стали навязчивыми, Николаю Борисовичу становилось все сложнее смириться с самой страшной мыслью – это его дочь и он должен принять ее и мучиться до конца своих или ее дней жизни.

– Что случилось? – спросил он, вздохнув, присаживаясь на корточки, чтобы получше рассмотреть окровавленные ноги своего горе-ребёнка.

– Я еще не умираю, папа, – Саша смотрела на него, пробивая насквозь черными зрачками, расширенными, соприкасающимися с роговицей.

– Саша! – тут же вмешалась Ирина Ильинична, – зачем ты так говоришь?

Девушка перевела взгляд на мать и нахмурилась.

– Ты порезалась? – спросил отец, не рискуя дотронуться до ног дочери.

– Я очистилась, – Саша обошла его и пошла в свою комнату, оставляя на полу кроваво-грязные следы маленьких ступней. Дверь захлопнулась, щелкнул замок. Ирина Ильинична посмотрела на мужа. Он потер рукой лицо и глубоко вздохнул.

– Надо отдать ее на обследование, – тихо, практически шепотом сказал он.

– Зачем? – удивилась Ирина Ильинична, скрестив руки на груди.

– Затем, что она больна, Ир! – процедил сквозь зубы Николай Борисович.

– Мы уже отдавали ее на обследование, если ты забыл! Что это дало? – Ирина Ильинична сузила гневные глаза. – Нервы только трепать ребенку.

– Черт возьми, Ира! – Николай Борисович еле сдерживался, чтобы не повысить голос. – Потому что ты хотела второго ребенка! Ты отказалась делать аборт! А теперь это наша обуза!

– Что? – женщина опустила руки, пораженная и в то же время разозлившаяся из-за слов, которые говорил ее муж. – Это наш ребенок!

– Это не ребенок, – Николай Борисович перебил ее, – это уже совершеннолетний подросток и одному богу известно, что она решит учудить завтра! Мы должны доказать ее неменяемость до того, как она совершит то, что поставит крест на нашей семье и наших жизнях. Я тоже люблю ее, она моя дочь, но давай хотя бы мы не будем идиотами... – Николай Борисович замолчал. Его взгляд устремился прямо по коридору. Ирина Ильинична тут же последовала глазами по следам его взора.

– Саша! – воскликнула она, увидев выглядывающую из-за двери дочь. Как много она слышала? Раскаяние крепко схватило мать за горло.

– Решаете мою судьбу? – спросила девушка.

– Ты что! – Ирина Ильинична быстро подошла к дочери. – Что ты такое говоришь...

– Решаете мою судьбу, не решив свою? – Саша улыбнулась и посмотрела на отца. Он смотрел в ее глаза и тоже испытывал давно забытое, нелепое чувство стыда.

– Что у вас тут? – в дом вошел Святослав, устало скидывая ботинки.

– Ничего, – быстро ответил отец и ушел в свою комнату. Ирина Ильинична вздохнула, покачала головой и исчезла на кухне.

Слава, ничего не понимая, посмотрел на сестру, взглядом дав ей понять, что ему хотелось бы услышать правдивый ответ на вопрос.

– Они ненавидят меня, – сказала Саша и ушла в свою комнату. Святослав набрал полную грудь воздуха. Как же тяжело жить в этой семье. В семье, где каждый ее член – личность со своеобразным букетом странностей. Даже в дом заходишь и чувствуешь гнетущую атмосферу, словно на тебя падает воздух, который имеет многотонную массу и тут же ломает позвоночник заставляя припасть к земле. Славка потупил взгляд, сделал глубокий вздох, закрыл глаза и прислонился к стене.

– Сань, – брат поскребся в комнату сестры и открыл дверь. Саша стояла у окна. Ее взор был устремлен куда-то вдаль. На лице спокойствие и умиротворение. Пальцы неспешно поглаживали низ кофты, вытаскивая по одной нитки.

Слава вошел в комнату, прикрыл за собой дверь. Вновь последовал тяжелый вздох. Он уже устал быть проводником между сестрой и родителями, но он слишком любил сестру.

– Они любят тебя, – начал он, но тут же замолчал, увидев израненные ноги. Стоит ли спрашивать, что случилось или так должно быть? Слава терялся в мыслях, не зная, как поступить дальше.

– Я порезалась, когда шла, – Саша объяснила брату свой внешний вид, заметив его пристальный взгляд.

– Здесь где-то? В деревне?

– Нет, – она взглянула на него и легкая, гуляющая улыбка чуть скривила ее рот. – Около колледжа.

– По городу не стоит ходить босиком, – Слава покачал головой, – небезопасно, да и выглядит не очень.

– Зато у меня появился парень, – Саша усмехнулась, и снова отвернулась к окну.

– Парень? – удивился брат, и чуть было не спросил, как такое возможно.

– Он целовал мои ноги, зализывая раны. Какое приятное нервное возбуждение, – она провела рукой по изгибу талии, к животу вниз и сжала колени. Брат совсем растерялся. Внезапно он почувствовал ужасное волнение за сестру. Нет, не может быть. Скорее всего это очередные метафоры, которыми Саша так любила изъясняться, что было ничего непонятно. Скорее всего это не значит, то что слышится. Скорее всего она нашла какой-нибудь ручей и омывала там ноги. Слава хотел в это верить и верил.

Саша вновь посмотрела на брата и улыбнулась. Тут она подбежала к нему и крепко обняла, тихо посмеиваясь...

Макс приехал к своей девушке, чувствуя себя по меньшей мере странно. Он не понимал, зачем повелся на странную смс от сестры Славки. Что он ожидал увидеть в доме своей девушки? Да и как Саша могла знать о том, что происходит у Ани? Откуда она вообще знала ее? Но получив злополучную смс, следующего содержания: *«Если веришь, ты не поедешь сегодня к 17:00 по адресу...»* с подписью твоя Александра, Макс решил отправиться по указанному адресу. Он хорошо знал это место – дом его девушки, Ани. Он бывал там сотню раз за два года отношений. Что он должен был увидеть? Нет, он не то, что не доверял Ане, наоборот, за два года отношений она ни разу не дала ему повод засомневаться в искренности ее чувств. Она всегда доверяла ему, никогда ничего не запрещала, редко возражала. Идеальная жена. Будущая. Аня часто говорила о семье и детях, делилась позитивными соображениями, особенно касательно детей. В семье минимум должно быть 3 ребенка: два мальчика, старшие и девочка. У детей обязательно должен быть отец, иначе дети не дополучат любви и потом им сложно будет понять, что значит полноценная семья и к какому идеалу нужно стремиться. Она мечтала о себе как о жене, мечтала создавать своими руками домашний очаг, поддерживая в доме уют и комфортную атмосферу. Заботиться о детях и муже. Чтобы в дверях его всегда ждала красивая жена и вкуснейший ужин на плите. Слушая эти благопристойные рассказы о возможной будущей жизни, Макс расплывался в мечтах. То, что он слышал, действительно было ему по нраву. Речи Ани были приятны не только слуху, но и его сердцу. И, конечно,

окутанный тесными объятиями будущего счастья, Макс купил обручальное кольцо. Вот такой девушке как Аня, он был готов сделать предложение. Единственное, что теперь он никак не мог подловить подходящий момент. Все время что-то было не то, не так. И каждый раз Макс думал: *«Ладно, завтра все получится. Завтра будет лучше!»*. Так прошло полгода, а Макс все до сих пор возил с собой коробку с кольцом и поджидал того самого момента, о каком грезил в своих фантазиях.

Потом ему пришла смс от Саши, и он задумался. *«Дело не в том, что я не доверяю Ане, дело в том, что может это и есть тот самый момент?»* – с этими мыслями он сидел в машине около подъезда Ани и все не решался выйти из машины и подняться на 4 этаж, позвонить в звонок, встать на одно колено и объявить о своих намерениях построить ту самую семью, о которой они мечтали уже столько времени.

Аня сама появилась из-за двери подъезда и не одна. Она сжимала руку мужчины, улыбалась ему так же, как и Макс. Потом встала на носочки, так же как она это делала, стоя рядом с Максом, и поцеловала небритую щеку и тут же синюшного цвета губы, так же как она целовала Макса. Теперь она что-то говорила ему, смотрела в глаза, гладила по плечу, прижималась к его груди... Так же как она делала с Максом.

Мужчина поцеловал ее на прощанье и махая рукой, пошел к машине. Аня смотрела вслед удаляющейся машине, помахала рукой, прикрывая ладошкой рот, пряча детский смех.

Макс выскочил из машины, тут же ускорив шаг, направился к счастливой девушке. Нельзя терять ни секунды. Едва Аня собиралась зайти в дом, дергая железную дверь с пищанием домофона, разрешающим зайти в подъезд, она поняла, что не может открыть дверь потому, что чья-то рука прижала ее. Аня обернулась. Обомлела. Они не должны были сегодня встречаться с Максом. А он всегда следовал своим планам, потому что совмещал подработку на скорой и учебу в университете и просто так он не мог появиться около ее дома. Но, к сожалению, именно в этот день Иван, фельдшер из второй смены, попросился на сутки вместо Макса, а Макс вместо него должен был выйти послезавтра. Именно в этот день Макс решил встретиться только со Славкой, а потом отправиться домой, никому не говоря, что у него сегодня внеплановый выходной.

Аня испуганно глядела на непонятно откуда появившегося Макса. Что сказать? Что же сказать? На ее маленьком личике застыла нерешительность и паника. Она поспешно считала и просчитывала ходы, которые могли бы разрешить сложную ситуацию прямо сейчас. Ее светло-серые, практически серебристые глаза, как листья полыни, спотыкаясь, хромая, рыскали по лицу Максима, по его отчаянной ухмылке, по усмешке, сияющей ярким оранжевым цветом опасности в его каштановых глазах. Что искали ее глаза? Понимания. Веру. Оправдания.

Максим достал черную бархатную коробочку из кармана, вытащил то самое золотое кольцо, которые уже полгода возил с собой в машине и положил себе на ладонь. Горькая ухмылка, выпячивающая дикую неизбежность, снова вцепилась смертельной хваткой в его побледневшие губы.

– Я собирался сделать тебе предложение, – сказал он таким сухим, шероховатым голосом, который Аня никогда прежде не слышала у Макса. На ее глаза накатились слезы искренности. Она тихонько качала головой, поднимая руку, пытаясь дотронуться до его руки, держащей на ладони многотонное кольцо. – Да, – Макс продолжил говорить, выдавливая из себя слова, как выдавливают остатки дорогостоящей мази из тюбика. – Но видимо, бог все-таки существует, раз уберег меня от неразумных поступков. И за это спасибо всем, кто посодействовал мне узнать тебя до того, как я совершил бы опрометчивый шаг. – Максим откашлялся, отвернулся на секунду, скрывая собственные слезы, которые так и хотели унижительно появиться на его уставших глазах. – Зачем? – спросил Максим, все еще держа раскрытую ладонь с обручальным кольцом.

– Прости меня, Макс! – взмолилась Аня, поняв, что в сложившейся ситуации не может быть другого выхода, как только понадеяться на сильную любовь парня и вымолить у него прощения.

– Нет, – Макс покачал головой, сам не понимая, что именно он отрицает: слова Ани или саму ситуацию.

– Максим, милый мой, любимый, – Аня схватила его за руку, крепко стиснув, – прошу тебя! Прости меня! Я сглупила!

– Нет, Аня, нет, – Макс шмыгнул носом и запустил кольцо с такой силой, будто он был на физкультуре в школе, сдавал норматив по метанию теннисных мячиков: чем дальше улетит, тем выше балл. – Прощай! – он развернулся и направился к машине. Девушка кричала что-то ему вслед, но он не слышал ее. Не понимал. Она словно заговорила на несуществующем языке, который он не хотел и не мог понимать. Макс ни разу не обернулся. А его сердце, тот кусок мышцы, как он привык считать будучи практически врачом, которое не могло и не может чувствовать до того момента, разрывало его грудную клетку, отрывало мышцы от ребер, накручивало нервы как спагетти на острейшую вилку. Вот оно как оказывается бывает! Вот оно как может страдать! Кто бы мог подумать!

В течение двух часов Макс сидел в машине перед своим подъездом. Он даже не понимал, как оказался около своего дома, как доехал, каким путем, как припарковался. Он просто сидел и последний раз рассматривал фотки Ани и их совместные фото, бездушно тыкая на каждую, нажимая *delete*. *Are you sure you want to delete?* – спрашивал телефон. Даже телефон, казалось, сомневался в неосознанных действиях парня. *Yes* – нажимал Макс, шмыгая носом. На глазах были слезы, но они не смели опуститься на щеки. *Delete* – все, что могло напоминать об Ане, кроме его собственной памяти. *Delete!* Но, к сожалению, *delete* не работает в отношении человеческого разума.

Он перечитывал все ее сообщения, где такой мерзкой и уничижительной рекой текли признания праведной женщины. *Delete*. Он перечитывал свои ответы, в которых то и дело подчеркивал важность их отношений и свои будущие намерения, вкушая оригинальность любви. *Delete*. Он рассматривал фотографии в соцсетях, лица на них, так кощунственно усмехающиеся, улыбающиеся друг другу, оказывается скрывающие ложь. Рассматривал, как тесно сплетены их пальцы и вспоминал как мечтал надеть кольцо на ее безымянный пальчик, но не было подходящего случая сделать предложения... *Delete*. Читал сообщения и комментарии, улыбался со слезами на глазах, вспоминая ситуации, спровоцированные теми или иными словами, и жестами, отображенными там, внутри паутины. *Delete*. Как же так? Как так можно? Ты веришь человеку, даже мысли не допускаешь ни о чем подобном, а он вот так вот исподтишка, из своего секретного места плюет тебе в лицо и в душу!

Той же ночью Максим долго не мог уснуть. Стоило ему только закрыть глаза, как перед глазами появлялись воспоминания о проведенных совместно днях. Ни о чем плохом он и не думал, не вспоминал. Хорошие, добрые воспоминания сами залезали в его голову. И он боролся с ними, не желая больше видеть ничего из этого, что хоть как-то могло быть связано с его бывшей девушкой.

Как только он провалился в сон, увидел черную змею, изящную, гибкую, лежавшую у него под ногами. Он стоит, подняв ногу и готовясь вот-вот наступить на рептилию. Заметив змею, Макс отворачивается, чтобы сделать шаг в другую сторону. Но едва он поднимает ногу, снова и снова натывается на одну и ту же черную, блестящую змею. Она не давала ему ни шаг сделать, ни перешагнуть через нее...

Слава проснулся ночью из-за странного кошмара, потный и с жуткой тахикардией. Сам сон он не мог вспомнить, к счастью, но осадок до боли не выносимый и неприятный все еще был на душе. Вытерев пот со лба, отдышавшись, Слава встал и пошел на улицу покурить. В такие моменты он был очень рад, что родители приняли решение в этот раз переехать в

Подмосковье, купив этот коттедж в деревне. Хотя участки, заселенные людьми сложно было назвать деревней. Здесь, в 20 километрах от станции Голицыно, белорусского направления, стояли современные коттеджи, комфортабельно отделанные, потому что многие жили здесь и зимой. Но и для многих это место выступали в роли дачного поселка. Зато какой воздух! Батюшки! Каждый раз возвращаясь с работы или с университета Славка, проехав Голицыно, открывал окна в машине, выключал кондиционер и просто вдыхал чистый воздух так рьяно, что даже голова кружилась.

Он тихо открыл дверь, чтобы никого не беспокоить и уселся на высоком крыльце, прикурив сигарету. Он рассматривал ночное небо. Чисто. Только ради этого чистого, звездного неба стоило забросить гнетущую Москву и уехать за город. А зимой как прекрасно небо! Выходишь ночью на крыльцо в отцовской телогрейке, надетой на голое тело, раздухаренной натопленным воздухом своей комнаты, и перед глазами открывается сказочный вид! Кругом снежные холмы, блестят как серебряные частички в свете круглолицей луны. Она так низко висит над землей, что иногда дух захватывает, что может она потеряла нашу гравитацию? Может прямо сейчас она мчится прямо на нас? Ну такая она большая в редких сизоватых облаках, окружающих ее исключительно по краям окружности. Потрясающе!

Славка скурил уже половину сигареты, вспоминая зимнюю красоту. Тут он краем глаза слева заметил какое-то движение на участке, рядом с мангальной. Слава прищурился, вглядываясь вперед: около входа в мангальную что-то есть на лавке. Взволнованный Славка встал, засунув почти уже бычок в рот, направился в сторону белесого объекта около лавки.

Чем ближе он подходил, тем отчетливее понимал, что белесый объект есть его сестра в ночной рубашке, едва прикрывающей ее пятую точку. Слава стиснул зубы, прокусив сигаретный фильтр. Почему Саша всегда заставляет его нервничать? Что она делает тут среди ночи? Черт!

Славка подошел к ней ближе, внимательно осматривая сестру. Что с ней? Луна дарила странный свет лицу девушки: на нем вообще не было глаз, сплошные, размазанные овалы. Губы сжаты в прямую линию. Лицо серого цвета, гладкое и ровное, словно нарисованное матовыми красками на глянцевом холсте. Волосы распущены, совсем стали черного цвета. Руки белые как снег, смиренно лежали на коленях. Девушка не шевелилась, восседавая как восковая кукла.

– Саш? – Слава шепотом позвал сестру. Никакой реакции. Вообще ничего. Она словно действительно была не живая. – Саша! – чуть погромче позвал Слава и сделал еще один робкий шаг. Внезапно девушка резко повернула к нему голову и вперла в него свои черные размазанные круги вместо глаз. Славка отшатнулся. Непонятное чувство страха сдерживало его от того, чтобы приблизиться к сестре, но усиливало желание бежать или как думал Слава, плюнуть на все и уйти домой. Пусть сидит. Ничего же страшного не происходит. Сидит себе девчонка на лавочке, на своем участке! И вот он уже был готов сделать шаг назад, ускориться, уйти в дом скорее, туда, где чувство опасности исчезнет, как здравый смысл осторожно зашептал в его разуме: а что, если Саша лунатит? Что если он сейчас оставит ее, а утром с полицией будет рыскать по всему поселку и близлежащим лесам в поисках исчезнувшей девушки? Простит ли он себе свою трусость тогда? Слава смутился от своих же мыслей и чуть качнул головой. Набравшись мужества, он сделал шаг вперед.

– Саша! – снова позвал он, разглядывая жуткое лицо, повернутое к нему, застывшее, с размазанными овальными, черными пятнами вместо глаз. Девушка не шевелилась, даже ее грудь не вздымалась. Она вообще дышит? Моргает?

Слава сделал еще один осторожный шаг и позвал сестру. Наконец, он увидел хоть какое-то движение. Очень медленно, как подползающий поезд дальнего следования к вокзалу, ее рука белого цвета поднялась и к тонкой нити вместо губ прильнул чуть согнутый указательный палец. Черные круги оторвались от лица Славы и так же критически медленно усталились прямо себе под ноги. Интуитивно Святослав перевел глаза в точку, куда усталились черные

глаза Саши. Что это? Что у нее под ногами? Слава прищурился. Что-то черное поблёскивает в лунном свете. Что это? Он чуть наклонился вперед и тут же вздрогнул и едва устоял на ногах.

– Черт возьми! – воскликнул он и тут же схватил сестру за руку, силясь стянуть ее с лавки. – Это же змея, Саш! – крикнул он, забыв, что на улице стояла глубокая ночь. Да, точно, когда он встал часы показывали 3:30 утра, а секундная стрелка пробежала на 45 секундах. Не стоит кричать, родители чего доброго еще проснутся от криков. Брат снова потянул сестру за руку, не сводя глаз с змеи у ее ног. Но тут он почувствовал пронзительный острый холод на запястье, а потом и нудящую боль. Саша стиснула его запястье и покачала головой.

Змея шевельнулась и поползла прям к ногам девушки. Слава с леденящим сердце ужасом, вытаращив глаза, смотрел на рептилию, инстинктивно таща сестру за руку. Но тут Саша рывком, с силой абсолютно не свойственной ей, вырвала руку из его хватки и положила обе руки на колени, вернувшись в свою ту самую жуткую позу, в которой брат застал ее, когда подошел.

– Саша, черт тебя дерит! – зловещим шепотом сказал Слава, топчась на месте, оглядываясь по сторонам, но все также не сводя глаз с черной змеи с серебристым вкраплением. – Иди сюда! Быстро! Пока она не цапнула тебя!

Саша сидела без движения. Змея подползла все ближе к ноге девушки и медленно обвивая всем своим телом ногу, начала подниматься вверх. У Славы сердце выпрыгивало из груди. Что сейчас делать? Что? Как скинуть эту дрянь с сестры? А если цапнет? Мысли смешались в голове, язык и мышцы не слушались его. Он то и дело что-то говорил, но даже совсем не понимал, что именно и зачем. Его никто не слушал. Он сам себя даже не слушал.

Тут, в зловещий ночной тишине Слава услышал легкий звон, словно на легком ветру соприкасались два железных жетона на шее солдата. Клинг-клинг! Святослав обернулся. Никого и ничего! Клинг-клинг-клинг! Какого черта? Что происходит? Даже ветра нет!

– Кто там? – спросил он темноту, совсем забыв о змее, обвинившейся вокруг правой ноги Саши. Клинг-клинг-клинг! Слава искал глазами объект, издающий странные звуки. Вон там, чуть впереди. Что там? Тень! Здоровенная! Черная! Клинг-клинг-клинг! Тень передвинулась. Это собака. Может, волк? Святослав почувствовал, как холодный пот проступил вдоль позвоночника и на лбу. Откуда тут волк или собака? Участок огражден 3-х метровым забором! Подрыла наверное. Зачем? Что могло заставить животное так рьяно желать проникнуть к ним на участок? Ничего такого, как мясо, не было оставлено на улице.

– Саша, пошли домой! – он вновь протянул руку и замер. Черная змея лежала на обнаженных коленях сестры, свернувшись в спираль, смиренно положив голову на колено. Из центра спирали буквой Г поднимался хвост рептилии, на конце которого в странном ритме гремела погремушка. Слава вовсе растерялся, опуская руку. Как же так? Гремучая змея? Здесь? В Подмосковье? В ближайшем Подмосковье?

– Я сплю, – прошептал он себе под нос. Понимая, что змея не тронет Сашу, что ее погремушка гремит не просто в безумном хаосе, а соблюдая четкий, последовательный ритм, что Саша лунатит, раз не понимает что у нее на ногах лежит змея, а вокруг бродит не то волк, не то собака, Слава решил, что все, что происходит с ним и вокруг в тот момент есть какой-то сон. Страшный, кошмарный сон, от которого он почему-то никак не мог пробудиться. Главное насильно заставлять себя думать о происходящем как о сне, потому что поверить в то, что хоть что-то из этого могло происходить на самом деле, он не мог в силу своего категорически скептического мышления. Звон жетонов на невиданном звере в темноте продолжался. Змея трясла хвостом. Рождалась жуткая музыка, наполняющая атмосферу зловещим звучанием. Слава уже не мог больше бояться. Он не мог проснуться, не мог уйти в дом, просто стоял парализованный первородным страхом.

Внезапно змея молниеносно спустилась с колен Саши и юркнула в траву, выкрашенную в черный цвет самой ночью. Собака-волк в два больших прыжка оказалась около забора и тоже

исчезла, скрывшись под покровом ночи. Саша закинула голову, устремив взгляд на Луну. На ее губах пульсировала злобная ухмылка, поднимающая уголки ее губ.

Слава тут же, как исчезала живность, почувствовал лёгкое облегчение, но все же состояние шока и страха не покидало его ни на секунду. Он снова протянул сестре руку, кивком показывая ей, что ему очень хотелось бы вернуться в дом. Саша взяла его за руку и пошла вперед, ведя перепуганного брата домой.

– Ты не хочешь объяснить, какого черта здесь сейчас было? – он остановился и остановил сестру. Саша подошла к нему. Наконец-то он смог рассмотреть очертания ее глаз и вечно расширенные зрачки до самой радужки. И вот она снова улыбается так же, как и обычно. Так, словно ничего не случилось. Так, словно это Слава какой-то лунатик.

– И? – он, все еще подергиваясь от страха внутри, изучал воодушевление на лице сестры.

– Эффект бумеранга, – прошептала Саша. Слава, естественно, не понял, о чем она говорит. Он и не надеялся понять. Он никогда не понимал ее ответов с первого раза.

– Так, – Святослав загнул палец, – эффект бумеранга, хорошо. Что это значит?

– Ты кидаешь, а он возвращается, – чуть вскинув бровями, ответила Саша.

– Ты о чем? – Слава хотел услышать чуть больше конкретики.

– О бумеранге.

– О настоящем что ль? – удивился он, чувствуя, как начинает злиться.

– Конечно, – Саша приблизилась к нему и перешла на едва слышный шепот. – О предмете похожем на букву Г, пластмассовом или деревянном... Бумеранг.

– Так, – Слава сделал паузу, – а если он не возвращается?

– Он всегда возвращается, – Саша была серьезна как никогда. – Всегда.

Девушка одернула рубашку, бросил еще один странный взгляд на брата и пошла в дом.

3:30:45 утра. Аня только недавно уснула, утомлённая долгими попытками укутить себя за локти. Она была в таком состоянии безысходности, не зная, как исправить то, что натворила по своей дурости. Она всегда любила Макса, ведь он был золотой человек, добрый и ласковый, редко когда спорил с ней, всегда шел на уступки, баловал ее, как только мог. Черт ее дернул связаться с этим Альбертом! Хотела ведь просто развлечься, не дать зайти дальше, чем флирт и все так ведь и было. Но именно в тот день флирт закончился у нее дома. Как так получилось Аня не знала. Что нашло на нее? Просто в какой-то момент она не смогла остановиться, как алкоголик, выпивая пару рюмок, уже потом не может остановиться, пока не прикончит все, что есть у него спиртосодержащего. Аня успокаивала себя тем, что хоть Альберт-то у нее есть. Конечно, она не испытывала тех любовных чувств к нему, которые испытывала к Макс, но он тоже был неплохой партией. Не нравилось ей, что Альберт старше ее на 15 лет. Это огромный минус. Ей только 22, а он, 37-летний, почти старик. Старик! И Аня снова пускалась в слезы, коря себя за глупость. Но она не знала и не могла знать в силу своего юного возраста, претенциозного желания постоянно быть балованной мужчинами, в силу доверчивости к людям, в силу чувства самозначимости, что Альберт добившись поставленной цели, будучи человеком женатым, имеющим 3-х детей: первого от первого брака и двух от второго брака, о чем Анна знать по понятным причинам не могла, стер контакты Ани из своего телефона, больше не желая с ней видеться. Зачем? Чем еще смогла бы удивить его, зрелого мужчину, 22-летняя девчонка? А ее юное тело, ненастное и малоопытное, он уже имел возможность видеть и чувствовать.

В ту ночь каждый долго мучился, прежде чем ему или ей удавалось забыться сновидениями. В ту ночь Аня уснула позже всех, сама даже не понимая, спит ли она или бредит.

Ровно в 3:30:45 дверь ее комнаты приоткрылась на предельно маленькое расстояние: в появившуюся щелку могло пролезть только два пальца. Остановившись на таком расстоянии, дверь застыла, словно ее посадили на огромные саморезы и прикрутили к полу и потолку. Недвижимая, залитая сверху бетоном. Аня спала, ворочаясь, что-то шепча. Она не слышала, как противно и душевыворачивающе скрипнула дверь. Не видела она как та самая дверь

застыла в посмертном покое. Не заметила она, что комната наполнилась запахом цветущего чертополоха, а за ним канатцем вползла черная мгла, извиваясь руслом реки.

Медленно, не касаясь пола, черное, гибкое веретено подползло к кровати. Обвилось вокруг кровати ножки и поползло вверх. Беззвучно, бесчувственно для мира оно прошло под одеяло и, не прикасаясь к коже, обвилось вокруг выскользнувшей из-под одеяла правой ноги Ани, чуть сжимая пульсирующие икроножные мышцы, но все еще не дотрагиваясь. Отрывистыми изображениями, появляясь и исчезая, шипя как внезапно включившийся телевизор, не подключенный к антенне, веретено покрывалось черной змеиной кожей, а начало его обрело форму клиновидной головы. Из чуть приподнятой верхней челюсти, образующей маленькую дырочку, медленно появлялась токая, длинная, блестящая «нитка», конец которой тут же раздвоился, явив собой змеиный язык. Змея приподняла голову, а затем и четверть верхней части тела, постоянно высовывая язык, щупая воздух, улавливая мельчайшие частицы.

В комнате раздался звук погремушки на конце змеиного хвоста. Аня ничего этого не слышала, забывшись сном. Погремушка, словно отрететировав в самом начале мелодию, постепенно вошла в уже знакомый темп. Язык все чаще показывался из опасного рта, более влажный, более нервный. Кончики рогатки лизали воздух, тут же исчезали во рту гремучника, размазывая по небу все что им удалось поймать. И тут же появлялись снова, выискивая новые частицы. Тут, как только язык в очередной раз исчез во рту змеи, все замерло. Змея не шевелилась, вкушая пойманные частицы, все еще тщательно перетирая их о свое небо. Ее пасть стала открываться, погремушка ускорила темп, переходя в вальсовый. Раз-два-три. Раз-два-три. Пасть открывалась шире. Раз-два-три. Раз-два-три! Показались удивительно белые клыки, раскрывающиеся с верхней челюсти, встающие вертикально. С острых кончиков на простыни опустилась капля желтовато-прозрачной жидкости. Мокрое пятно на ткани тут же почернело и, испустив струйку густого сизого дыма, оставив дырочку с опаленными краями, исчезло.

Раз-два-три! Раз-два-три! Погремушка гремела сильнее и быстрее. Аня открыла глаза. В эту секунду гремучник нанес мгновенный укус на внутренней части бедра. Погремушка колыхнулась в сторону, обратно, и тут же последовал еще один укус. Аня, ничего не понимающая спросонья, взвизгнула, почувствовав пронзительную боль в правой ноге, чуть выше колена. И в момент, когда Аня впопыхах, потрясённая болью, шарила рукой по прикроватной тумбочке в поисках выключателя. Гремучник нанес третий укус. И снова истошный крик, источающий энергию неистовой боли, охватил комнату девушки.

В дверь стучали родители, сбивая руки в кровь, требуя, чтобы дочь открыла дверь или хотя бы объяснила, почему она орет как потерпевшая. После третьего укуса, гремучник сполз с ноги и исчез в темном углу комнаты, противоположному двери, откуда он появился. Замок в двери щелкнул, и родители Ани буквально ввалились в комнату. Их лица были напуганы, глаза судорожно рыскали по комнате, осматривая периметр, осматривая искаженное болью и страхом лицо их дочери.

– Что случилось? – отец подбежал к кровати, схватил Аню за плечи, пристально разглядывая ее глаза и лицо.

– Здесь была змея! Она укусила меня! Змея! – голосила Анна, скидывая с кровати одеяло. – Вот! Смотри! – она показывала отцу ногу, тыкая пальцем чуть выше колена.

– Здесь ничего нет.

– Мам! – взвизгнула Аня, – ну посмотри ты! Видишь дырочки!

Женщина внимательно осмотрела всю ногу дочери и нашла только пару ссадин, полученных после поспешного бритья ног перед приходом Альберта.

– Детка, здесь ничего нет, – мама взглянула на дочь, чье состояние паники перешагнуло все самые немыслимые пределы. – Тебе просто приснился страшный сон. Успокойся.

– Какой сон?! – Аня злилась, – я что, по-вашему, не могу отключить сон от реальности? Говорю вам, здесь была змея!

– Хорошо! – мужчина решительно встал и принялся тщательно осматривать комнату, все закутки и уголки. Посмотрел под кровать, осветил за шкафом ярким фонариком, проверил все за компьютерным столом, под батареями. Он просмотрел всевозможные щели, куда теоретически могла спрятаться змея. Но он ничего не нашел.

– Здесь нет никого. Никаких змей! – строго заявил он, посмотрев на дочь, пока та, словно ничего не понимая, ничему не веря, исследовала свою правую ногу, действительно не найдя там ни единого пореза. – Это был сон! – подытожил отец.

– Ты успокоилась? – ласково спросила женщина, поглаживая своего великовозрастного ребенка по спине, мягко улыбаясь. – Ничего страшного.

Аня кивнула в ответ, все еще не в силах оторвать глаз от ноги, выискивая в злосчастных дырок от зубов.

Родители ушли в свою комнату, оба думая лишь об одном, после такой встряски уснуть теперь будет нелегко. Уже через полтора часа вставать на работу. И если мама Ани почувствовала жалость и симпатию к своему ребенку, то отец явно злился из-за того, что его лилейный сон был прерван чужими кошмарами. Были бы свои, может было бы не так обидно. Если бы Ане было 5 лет, он бы понял странную слепую веру в сны. Но 22-летняя кобыла, которая встречается с парнем, которая через год заканчивает академию, визжит как 5-летняя девчонка – это уже слишком! И вот так вот бухтя себе под нос беззвучными словами, покрытыми уникальным монолитом, он все-таки провалился в долгожданный сон. Этот час, в который ты просыпаешь до будильника, самый ценный. Ты поспешно кутаешься в одеяло, облегченно вздыхаешь, ведь еще целый час можно спать.

9

– Как же так? – Слава не понимал и не хотел понимать реальность. Напротив сидел Максим. На нем был надет черный костюм, умрачняющий его и без того мрачный вид. Его глаза блестели. Они всегда блестели, но в этот раз от скопившихся в них слез, которые Макс старательно контролировал, не давая им возможности упасть, позорно скатиться по щеке с двухдневной щетиной. Разве это того стоит? Ему наставили рога, крутили шуры-муры прямо под носом, а он расстраивается из-за того, что судьба отвела его от этой девушки? А судьба ли это была? Макс посмотрел на Славу. Ведь он так и не сказал, что сподвигло его поехать к Ане в тот день. Сказать? Спросить? Может, у Святослава есть объяснения произошедшему? Но что-то мешало ему издать даже звук, хоть как-то связанный с этой историей и с Сашей. Даже когда он был готов спросить, бывало ли у Саши нечто подобное, язык словно в камень превращался.

– Да кто ж знает, – грустно сказал он, поправил галстук, который вовсе не мешал ему и не стеснял движения, – я сам хотел бы знать, чего ей не хватило. Чем я был так плох?

– Может не ты так плох, а она? – возмутился Слава, – давай, поднимай бокал. У тебя сегодня совсем другой повод для выпивки и слез. Поздравляю, Макс, с окончанием университета!

– О, да, – Макс натянуто улыбнулся. Он уже забыл, что всего два часа назад вышел с защиты, что госы сданы, что через две недели можно забрать диплом, что теперь он может работать врачом-ординатором, а не колесить сутками на скорой, подбирая бомжей с улиц и вокзалов, чувствуя себя не медбратом, но и не врачом, а чем-то средним. Вот теперь он практически на вершине. Еще чуть-чуть! Столько лет терпел, еще два года потерпит. Он совсем забыл, что рядом, на соседних стулья, чуть подальше, сидели одногруппники, пили и ели, отмечали успешную защиту.

– Да, Слав, мы закончили, – Макс снова повторил скорее уже для себя, – мы прошли и закончили. Даже как-то не верится.

– Сейчас диплом свой заберёшь и поверишь. Без бумажки трудно поверить, что ты что-то значишь, – Святослав, как только мог пытался подшучивать и улыбаться, чтобы ни в коем случае не допустить появления прорывающейся меланхолии. Но это было не просто.

– Я не об этом, – Макс опустил глаза, – я о том, что я единственный в нашей семье, у кого есть высшее образование! Ни а бы какое, а медицинское! Мой отец и не пытался, считал, что шоферу вышка не нужна. Он умеет водить любую машину, все категории открыты. Знает все об устройстве машины.

– Да неудивительно, он же у тебя всю жизнь дальнобоем работает. Я до сих пор помню момент, когда он приезжал на молочный завод и заезжал в блоки задом с разворота. Такие миллиметры! Я даже смотреть боялся! Мне все время казалось, что еще миллиметр движения и он зацепит стойку. Но практически в том же миллиметре от опоры он остановился, выкручивая руль и еще два движения и вот 13-метровая фура в боксе! – Славка вспомнил как 6 лет назад он с Максом ходил на молокозавод, посмотреть как работают дальнобойщики и забрать молочку, которую отец Макса приберег для семьи.

– Водитель от бога, – Макс усмехнулся, – конечно, это совсем не звучит так, как хирург от бога, но все что от бога – всегда идеально! И уже не знаю, чья в этом заслуга, бога или самого человека, но идеальность исполнения уникальна.

– Полностью поддерживаю. Мне вот никто никогда не скажет, что я – хирург от бога. Криворук – вот скорее мой ник, – Слава горько улыбнулся.

– Да ладно тебе. Не прибедряйся, – Макс усмехнулся, стараясь скрыть боль. Сколько усилий ему понадобилось, чтобы позволить губам сжаться в улыбку, – у тебя диплом без троек!

Раздался телефонный звонок. Макс печально посмотрел на экран телефона. Как же он не хотел принимать вызов от Анны. Не хотел и не будет! Он нажал кнопку заблокировать и экран с именем, приносящим только боль, потух.

– А дело вовсе не в этом, сколько у меня троек, – быстро сказал Слава, понимая, что теряет внимание друга, отвлекшегося на телефон, – дело в том, что я никогда не хотел быть врачом.

Снова зазвучал телефон. Оба перевели взгляд на аппарат: Макс с еще большей скорбью и отчаянием, Слава со злостью, проклиная девчонку, так настырно допекающую его друга. Ему хотелось забрать телефон со стола, вытащить симку и несколько раз повернувшись вокруг собственной оси с закрытыми глазами, вышвырнуть ее, чтобы эта предательница-бывшая никогда больше не смогла дозвониться до Макса. Хотя, ей хватит наглости и домой к нему прийти. Зачем, правда? Зачем она звонит ему? Что она хочет сказать? Что она может сказать? Все уже кончено. Она все уже сделала, говорить больше незачем. Сделанное нельзя исправить словами. Можно только усугубить, но не нейтрализовать. Разве 22-летняя девчонка не знала об этом? Славка никогда не поверит в это. Едва звонок Анны остался не отвеченным, экран телефона даже не успел потухнуть, как раздался третий звонок. На этот раз номер не определился. Парни посмотрели друг на друга с подозрением.

– Не бери, это она, – Слава посоветовал. Макс вздохнул. Он и сам понимал, что незнакомый номер станет не таким уж и незнакомым, как только он ответит. А вдруг что-то сейчас изменится? Макс перевел взгляд на Славу и взял телефон.

– Слушаю. – Без эмоций, словно голос робота, объявляющего остановки в электричке, ответил Макс. Слава наблюдал за другом, за тем, как стремительно начало меняться выражение его лица, не пропустив ни единой негативной эмоции, примерив на себя все маски до единой. Он так и знал, что не надо было отвечать на звонок. Не надо было. Будучи бледно-серым как утренняя дождливая дымка, обычно висевшая вдалеке, окутывающая все небоскрёбы и останкинскую башню, Макс положил трубку.

– Ты что, будешь встречаться с ней? – Слава взвился и едва сдерживал себя, чтобы не начать кричать. Хотя ситуация умело провоцировала его выплеснуть самые дикие и беспросветные слова. – Ты простить ее хочешь?!

– Это не Аня звонила, – ответил Макс и опустил пустой, безжизненный взгляд. Тут Святослав заметил, как одна круглая блестящая слеза все-таки оторвалась с века и многотонной глыбой полетела вниз, спикировав прямо на потухший экран мобильного. Макс молчал, повесив голову, борясь со своими эмоциями. Слава тоже молчал. Он достаточно повидал, работая на скорой, много страстей и вжившихся в жизнь фельдшера сцен ужасов, особенно когда он принимал вызов от РЖД, когда на станции водитель виртуозно парковал карету скорой помощи, а Славка выбегал с чемоданом и видел подъезжающую электричку. Там, в первом вагоне в тамбуре, истекает кровью бедолага, переходивший пути, чем-то увлеченный, что не заметил мчащийся на него поезд. Ему срочно нужна помощь... И вспоминая расчлененки, раны, пострадавших в авариях, несчастные случаи, Слава понимал одно, что он не знает, что сказать взрослому парню, чтобы больше не видеть его слез и тут он понял, что случилось что-то страшное.

– Кто звонил, Макс? – тихо, с опаской спросил Святослав.

– Следовательно, – Макс поднял глаза и усмехнулся больной улыбкой, уничтожающей и страшной.

– Следовательно? – шепотом переспросил Слава.

– Да, завтра ждет меня у себя в 14:00.

– Зачем? – удивился Слава. Он много лет знал Макса как чрезвычайно законопослушного гражданина, который даже бычок не позволит себе выкинуть мимо мусорки, не говоря уже о

более тяжких преступлениях. Но на какое-то мгновение у Славы закралось подозрение, а вдруг Макс приревновал Аню так сильно, что решил поквитаться с ней?

– Аня умерла, – Макс закрыл лицо руками и тяжело вздохнул, сдерживая порыв поддаться истерике прилюдно, при своей выпускной группе.

– Как? – Слава спросил глупый вопрос. Он и сам понимал всю глупость своего вопроса, но ни здравый смысл, ни собственный язык в данный момент не воспринимали его как хозяина организма.

– Не знаю, – Макс покачал головой, – не знаю, Слав. Господи, за что мне это?

– Когда она умерла?

– В ночь, после того как мы поссорились, – быстро ответил Макс, словно старался отвести от себя подозрение, – следак знает о том, что мы встречались. Хочет более подробно узнать, что между нами было.

– Слушай, но уже сколько прошло с того дня? Неделя? Полторы? – Слава ничего не понимал, – что они вдруг сейчас-то чухнулись?

– Экспертиза пришла, – Макс отвернулся и замолчал, сглатывая комок в горле. Он молчал, Слава ждал. Он прекрасно понимал, что другу тяжело говорить и думать на эту тему, но, раз этой темой заинтересовался следственный комитет, значит Макс придется говорить об этом. – Следак сказал, что ее тело просто накачено ядом, словно кто-то поставил капельницу с отравой.

Слава удивился, едва в состоянии контролировать свое лицо, расширяющиеся от шока и ошеломления глаза, открывающийся рот, потому что он забыл контролировать мышцы, сухость и песок в глазах, потому что из-за шока он забыл моргать. Вот это вечеринка по случаю успешной сдачи экзаменов! Славно повеселились.

– Извини, – Макс встал, – я, пожалуй, пойду домой. Рассчитайся за меня, я потом верну.

Славка, все еще чувствуя себя парализованным, в ответ только моргнул и бездумно посмотрел вслед удаляющемуся другу.

Он вернулся домой к полуночи, практически трезвый, потому что новость, потрясшая его до глубины души, вытеснила собой весь алкоголь из разума и сердца. Слава и хотел бы быть в стельку сейчас, именно в этот период, но не мог. Его терзали подозрения. Неужели это Макс? Неужели он не смог проигнорировать выходку этой... Ани? Славка мысленно хотел назвать девушку проституткой, но внезапно вспомнил, что о мертвых либо хорошо, либо никак. А может она и не мертва вовсе? Может это чья-то до возмутительности дурацкая шутка? Розыгрыш? Ведь не могла сильная и здоровая девушка 22 лет просто взять и умереть! Макс всегда говорил, что Аня не просто здорова, а что она источает из себя здоровье. Она редко чихала, иногда у нее мог течь нос, могла кашлянуть пару раз, но он за два года отношений с ней ни разу не помнил, чтобы она болела. Да, конечно! Бред какой-то! Ее убили и все тут. И по-другому быть не может! Но кто и за что? За что могут убить в наше время? Слава спрашивал себя, сидя в своей комнате, пустыми глазами рассматривая такую же пустую стену напротив, не переставая думать о том, что случилось и почему. За что могут убить в наше время? Мысль снова повторила сама себя. Да за что угодно! И кто угодно! И кто угодно не посмотрит ни на что, ни на молодость, ни на возраст, ни на пол, ни на финансовое положение, ни на что, просто убьет, отнимет жизнь по своему желанию и усмотрению. Но... Макс не мог этого сделать. Не мог! Кто угодно, только не Макс. А вдруг у него рассудок помутился из-за того, что сделала Аня? Вдруг он был в состоянии аффекта и не осознавал, что делал?

Дверь в комнату Славы тихо отворилась. Парень не заметил ни шороха, ни движения. Он сидел на кровати, впереv взгляд в одну точку, обдумывая произошедшее, ища виновных, предполагая, как это могло случиться. Как вообще можно было это сделать?

– Сегодня я была в лесу, – тихий голос отвлек его от размышлений. Тихий и веселый. Слава перевел взгляд на сестру. Стоит посередине его комнаты, в одной майке на тонких кру-

живных лямках, по колено. Черные волосы распущены, вулканической волной застывшей лавы спускаются вниз, а кончики завиваются в вертикальные локоны, словно только что завитые на плойку. Но Слава-то знал, что именно кончики ее волос всегда завивались, но Саша ругалась и старалась выпрямить их, нанося тонны фиксирующих средств, чтобы сохранить вычурную неестественную прямоту. Ноги босые, как всегда. Зимой и летом его сестра предпочитала ходить босиком. Что за фетиш такой? И у нее никогда не мерзли ноги. Всегда были теплые, а иногда даже горячие.

Ее черно-золотистые глаза по миллиметрам ползали по его лицу, что-то выискивая, а на бледных губах застыла странная улыбка, смысл которой Слава не мог понять.

– Давай ты завтра расскажешь мне? – Слава вопросительно посмотрел на сестру.

– Отчего завтра? – удивилась она, – ты же не спишь и не собираешься.

– Саш, – Слава посмотрел на нее, но ничего больше сказать не смог.

– Я быстро, – улыбнулась девушка и запрыгнула к нему на кровать, схватив его за руку, крепко прижавшись к нему. – Я сидела на пенке и слушала природу. И тут, у ног заметила движение.

– Саш, – Слава вздохнул. Честно говоря, ему ужасно хотелось побыть одному, ничего не слышать и никого не видеть.

– Вот, – Саша продолжила, чуть сменив интонацию, поймав его взгляд, – по черной, насыщенной влагой земли, между травинок быстро бежал паук. Большой. Знаешь, у нас такие на стене сарая паутину плетут. Я тебе покажу. У него было яйцо, прикрепленное к брюшку. Я отодвинула травинку, а он, испугавшись, выронил яйцо и отбежал на 4-5 своих шажков. И замер. – Саша не отводила глаз от брата. Он смотрел ей в черные объёмные зрачки и слушал историю, которую она упрямо рассказывала. И несмотря на свое желание остаться одному, Слава ничего не говорил, не перебивал. – Несколькими лапками он ощупывал вокруг себя пространство, выискивая то, что потерял. Он щупал и щупал землю, а яйцо еще было в недосягаемости. Забавно, 8 глаз, а своего не видит. Я осторожно пододвинула ему белый шар и тут же он одной лапкой шарь-шарь впереди себя и нашупал яйцо, очень быстро схватил его и буквально через секунду яйцо висело у него на брюшке, а сам паук торопился по своим делам, галопом проносясь между травинок и преодолевая все препятствия на своем пути. Так смешно, такой он забавный!

Слава и не заметил, как слушая сестру, у него непроизвольно улыбнулись губы, а сам он представил бегущего паука, теряющего своих неродившихся детей, нелепо щупающего пространство, спешно прикрепляющего находку к брюшку. Постепенно волнение за Макса и за то, что с ним случилось, исчезали. Становилось спокойнее, умиротворённое.

– А как твои дела? – спросила Саша, – как отметил защиту диплома?

Несмотря на вопрос, который по всем признакам должен был вернуть Славе тревожность и переживания, парень преспокойно рассказал сестре все, что узнал за этот вечер от Макса. Рассказал так, будто речь шла о выборе места, куда можно поехать отдохнуть, окунуться в теплое море с нарядно украшенным дном, с безлюдным пляжем, где можно поставить на берегу палатки, чтобы ночью слушать как шелестит море, соприкасаясь с песчаным берегом, захватывая песчинки белой морской пеной. Саша слушала рассказ брата, также замороженно как будто слушала тот самый уникальный диалог моря и земли, шипение пены, оставшейся на берегу и шелест колыхающейся воды, движимой большой полной Луной, видневшейся на морском горизонте. Улыбка девушки, тонкая, несвоевременная и даже безжалостная, оставалась незамеченной братом, рассказывающим об смертельном отравлении девушки друга, также как и Саша рассказывала о пауке-растеряше.

10

– Добрый день, – полный мужчина в белой рубашке, расстёгнутой на груди, поднял взгляд на вошедшего. Тут посмотрел на часы: ровно 14:00. – Полагаю, Сингирь Максим Андреевич?

– Совершенно, верно, – Макс протянул руку. Мужчина встал, тут же превратившись в великана, сбежавшего из сказки.

– Лев Анатольевич. Мы с Вами общались по телефону. Присаживайтесь.

Макс сел за стол напротив следователя, незаметно осматривая кабинет. Довольно просторно. Никаких портретов, завешивающих половину стен. Широкие окна, освещающие, да практически заливающие светом весь кабинет, не имеющие ни одной шторы. Похоже следователь вообще не переживал из-за светящего в окна солнца. Нечасто, конечно, в России, в Москве, в частности, у солнца есть возможность заглянуть хоть кому-то в окна, потому что лазурь неба и золото солнца тщательно сокрыты смогом.

На столе лежали стопки сшитых дел, просто бумаги, какие-то изрисованные четкими, прямыми линиями, наискось заштрихованными другими, просто квадраты, чьи стороны многократно прорисованы. Похоже, следователь, общаясь с кем-то по телефону любил порисовать, периодически вписывая в изрисованные листы данные и сведения, которые получал из разговора.

Много было на столе простых карандашей, каждый из которых был чертовски остро заточен. Пара печатей, небрежно валяющихся на дальнем углу стола. На компьютерном стуле с большой спинкой, обтянутой то ли натуральной кожей, то ли качественным кожзамом, висел китель.

Пока Макс изучал обитель следователя, следователь изучал мимику свидетеля или подозреваемого, Лев Анатольевич пока не определился, как величать сидящего напротив юношу. То, что он волнуется, даже побаивается, Лев Анатольевич прекрасно видел: все поведение Макса сдавало следователю каждую эмоцию, которая провоцировало то или иное движение. Более того, о некоторых движениях, выдавших тревогу, Макс и не догадывался. Лев Анатольевич думал над одним важным вопросом: парень боится потому, что отравил подругу и сейчас его выведут на чистую воду или его так тревожит место, где он находится, не зная своего статуса.

– Давайте я еще раз представлюсь, – мужчина сел за стол, – Лев Анатольевич Орлов, следователь (посмотреть, как представляются). Я веду дело Мартишиной Анны Витальевны. Я бы хотел задавать Вам некоторые вопросы. Вы готовы?

Макс неуверенно кивнул. Готов ли он говорить о своей мертвой девушке, которую очень любил, и которая сладчайшими поцелуями провожала какого-то мужика? Скорее не готов. Будь его воля он бы еще долго не говорил ни о чем из того, что хоть как-то связано с его бывшей возлюбленной. Но вопреки свои истинным желанием, Макс утвердительно кивнул, отчетливо понимая, что выбора у него все равно нет.

– Мне известно, что покойная и вы состояли в отношениях. Долго?

– Не очень, – Макс нахмурился, – с 2011 года. Мы начали встречаться 15 сентября.

– Насколько близки вы были в отношениях с покойной?

Макс удивлённо посмотрел на следователя. Его вопрос был адекватен? Такие вещи можно спрашивать? И какое это отношение могло иметь к делу? Максим смотрел круглыми глазами, не понимая, как себя вести дальше и что ответить.

– И? Между вами была связь? Сексуальная связь? – следователь повторил свой вопрос.

– Да, – Макс вздохнул, – мы встретились. Я любил ее и собирался сделать предложение. – Макс вспомнил с какой злостью зашвырнул кольцо в неизвестном направлении в момент ссоры.

– Понятно, – следователь сделал очередные пометки на своем листочке. – Вы часто ссорились?

– Хм, – Макс нахмурился. – Я бы так не сказал. Ссоры, конечно, бывали, но не чаще, чем у других. Я бы даже сказал, что по сравнению с другими, мы практически не ссорились.

– Что становилось причиной ссор?

– Скажите, а какое это имеет отношение к делу? – Макс не удержался, искренне не понимая причину всех этих странных вопросов.

– Самое прямое, Максим Андреевич, – Лев Анатольевич строго посмотрел на парня. – Юная девушку выпила смертельного количества яда и умерла. Каков мотив? – спросил сам себя следователь. – Часто в подобных случаях мотивом выступает ревность партнера. Он или она травит своего возлюбленного, пытаясь выставить убийство как самоубийство. Вот каков мотив. Мотив убийцы, не жертвы.

– Вы подозреваете меня? – Макс почувствовал холодный пот на спине и страх на сей раз за свое будущее и жизнь.

– Пока нет, – безразлично ответил Лев Анатольевич, – но у меня есть причины допросить Вас. И я хочу, чтобы Вы были откровенны со мной. Если Вы не причастны к убийству, я это пойму и докажу, и нет необходимости нервничать в таком случае. Согласны?

Макс медленно кивнул. Только сейчас он осознал, как неловко его положение. В каком амплуа следователь сейчас рассматривает его?

– Так что выступало толчком к ссорам между вами? – следователь повторил вопрос.

– Ее капризы.

– Капризы? – переспросил Лев Анатольевич, – в чем это выражалось?

– В желаниях, которые возникали ни к месту и неожиданно, – Макс старался говорить коротко и отвечать только на то, о чем его спрашивали.

– Как это понимать?

– Никак, – буркнул Макс, – никак. Вы сам мужчина и Вам чужда алогическая и непоследовательная активность женщины. Но по большей части я никогда не обращал особого внимания на ее заскоки. Это нормально вести себя так для женщины.

– Вы говорите, слишком размыто, мне бы хотелось услышать конкретику. Будь любезны.

– Послушайте, – Макс чувствовал, что раздражается. – Мне больно говорить о ней, неужели Вы не понимаете? Я любил эту девушку. У нас все было хорошо. Малочисленные недопонимания, которые были между нами и которые Вы так жаждете услышать, не стоят и яйца выеденного и ни я, ни Аня не запоминали их. Наши отношения были если неидеальными, то близки к идеалу. И описывать идеал сложно, тем более после того, что случилось с ней и понимание того, что я больше никогда не увижу ее.

– Хорошо, – следователь вновь что-то отметил у себя на листке, – когда вы виделись в последний раз с покойной?

– 29 июня.

– Как прошла ваша встреча?

– Как обычно, – Макс напрягся, ему не хотелось рассказывать о расставании с Аней с учетом того, что следователь и так скептически относился к его персоне.

– Можно поподробнее?

– Тот вечер ничем не отличался от других совместно проведенных. Мы встретились около подъезда, поговорили две минуты и разошлись.

– Хорошо, – следователь внимательно следил за парнем напротив, – вы знаете Сулиманова Альберта Ибрагимовича?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.